

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

В Военные
П Приключения

КОНЕЦ "САТУРНА"

Военные приключения

Василий Ардаматский

Конец «Сатурна»

«ВЕЧЕ»

1963

Ардаматский В. И.

Конец «Сатурна» / В. И. Ардаматский — «ВЕЧЕ»,
1963 — (Военные приключения)

Получив сведения о немецких шпионах, советские разведчики смогли дезинформировать умного и коварного врага с помощью фальшивых донесений. Деятельность мощного разведоргана «Сатурн» оказывается нейтрализованной. «Конец “Сатурна”» – вторая книга известного военно-приключенческого романа Василия Ардаматского «“Сатурн” почти не виден».

© Ардаматский В. И., 1963

© ВЕЧЕ, 1963

Содержание

Часть третья	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	46
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Василий Ардаматский

Конец «Сатурна»

Часть третья

Каждую минуту – в бою

Глава 1

Начальник гестапо Клейнер приказал в середине рабочего дня собрать всех работников гестапо. В коридоре второго этажа, на столе, покрытом зеленым сукном, были разложены все ценности, принесенные Кравцовым. Самого Кравцова попросил сесть сбоку около стола. Он понятия не имел о том, что произойдет, но по тому, как с ними обращались, чувствовал, что опасность ему не угрожает, и с любопытством ждал, что будет.

Появились фото– и кинорепортеры. Коридор заполнился сотрудниками. К столу подошли оберштурмбаннфюрер Клейнер и майор в армейской форме. Все притихли. Клейнер вынул из кармана маленький листок бумаги, заглянул в него и начал речь:

– Мы оторвали вас от работы на несколько минут, чтобы все вы приняли участие в нашем маленьком торжестве. Во время одной из наших операций мы изъяли у местного жителя, который не отличался честностью, вот эти ценности. Стоимость их определяется довольно солидной цифрой. Сейчас мы передаем их в фонд священной войны нашего рейха. – Клейнер выбросил вперед правую руку и крикнул: – Хайль Гитлер!

– Хайль! Хайль! Хайль! – проревел зал.

На место Клейнера встал армейский майор. Откинув назад массивную бритую голову, он сказал:

– Мне выпала честь принять ваш дар и установленным порядком препроводить его в Берлин, в рейхсбанк. – Майор смотрел на всех и ни на кого в отдельности маленькими злыми глазами. – Ценность этих вещей значительно выше той, которую определили компетентные лица. В этом вашем даре выражено единство армии и всех действующих вместе с ней институтов, то единство, которое мы называем великим именем нашего великого вождя. Хайль Гитлер!

И опять трижды проревели гестаповцы. Мигали блицлампы. Стрекотали киносъемочные аппараты. Кравцов наблюдал всю эту церемонию, с трудом сдерживая улыбку.

Гестаповцы разошлись по своим служебным комнатам. Прибывшие с майором два солдата сложили ценности в чемодан, который тут же был опечатан.

– А вас, господин Коноплев, я прошу зайти ко мне, – сказал Клейнер Кравцову.

Когда Кравцов вошел в кабинет Клейнера, там находились еще три гестаповца – ближайшие его помощники.

– Господин Коноплев, – торжественно сказал Клейнер, – я хочу поздравить вас с зачислением вас в мой аппарат.

– Спасибо, – проникновенно произнес Кравцов.

– Садитесь, пожалуйста. Ваш диплом и некоторые документы из Смоленска получены, вот они. Прошу вас не обижаться на эту проверку. Война!

– Отлично понимаю, – ответил Кравцов.

– Не обижайтесь, пожалуйста, и на то, что сегодня мы не назвали ваше имя.

– Я несколько не обижен.

– Но считаю своим долгом объяснить. Германия заинтересована во всяческом сближении гестапо, всех сил СД и армии. К сожалению, еще живы всякие предрассудки и существует недопонимание. Наше маленькое торжество направлено на их устранение. Оно будет широко распропагандировано как начало кампании «Гестапо помогает армии». Согласитесь, что начать эту кампанию с операции, проведенной русским, было бы несколько неправильно и, пожалуй, бестактно...

– Полностью с вами согласен! – воскликнул Кравцов.

– Ну, тем лучше... – Клейнер взял со стола конверт и протянул его Кравцову. – Здесь пятьсот марок. Это мой подарок.

Кравцов встал, взял пакет и пожал руку Клейнеру.

– Мне трудно говорить. Спасибо.

– Садитесь, садитесь. Вам спасибо... – говорил Клейнер, улыбаясь, Кравцову. – Но всякое начало требует продолжения, не так ли? Так вот, вам поручается ближайшие месяцы заниматься тем, что вы так блестяще начали. Мы вам придаем специальную оперативную группу из пяти человек. При надобности вы можете пользоваться нашей секретной агентурой. Номинально группой будет руководить майор Берг – он знает русский язык. – Клейнер показал на коренастого гестаповца, сидевшего в кресле. Майор приветливо кивнул Кравцову, и Клейнер продолжал: – Фактически группой руководить будете вы. Сейчас вы пойдете вместе с майором Бергом, и он познакомит вас с сотрудниками вашей группы. Желаю вам успеха.

– Я сделаю все, что смогу, – скромно и вместе с тем уверенно произнес Кравцов.

На другой день о почине возглавляемого Клейнером управления гестапо уже трубили берлинские газеты и радио. Кравцов сразу и прочно вошел в среду гестаповцев, вызывая у них не только любопытство, но и уважение, смешанное с завистью. Группа получила наименование «Алмаз» и приступила к работе.

Негласным сотрудником «Алмаза» стал Бабакин. Без его помощи Кравцов вообще не смог бы оправдать надежд, возложенных на него Клейнером. За время своей торговой деятельности Бабакин узнал немало мерзавцев, которые в дни эвакуации города мародерствовали, нагнали много добра и теперь судорожно меняли награбленное на ценности и прежде всего на золото. Знал Бабакин и нескольких типов другого рода. Это были бывшие нэпманы – дельцы, не брезговавшие ничем. После ликвидации их нэпманской деятельности они, что называется, ушли в подполье, маскировались, как умели. Иные влачили нищенскую жизнь, иные шли на советскую службу, но все они в заветных тайниках хранили золотишко, ценные камешки и терпеливо ожидали перемены власти. Один из них, с которым Бабакин познакомился ближе, чем с другими, по фамилии Еремеич, однажды спросил у него, существует ли в городе черная биржа. Бабакин сделал таинственное лицо, оглянулся по сторонам и шепотом ответил:

– Если понадобится – найдется.

Этот тип не давал ему потом прохода, но Бабакин оставался неприступным в своей верности великой тайне и ждал, когда Еремеич сам выложит наконец свои карты, то бишь свои богатства...

После сильных морозов в январе и первой половине февраля вдруг выдался солнечный тихий денек, из тех, которые напоминают людям о близкой весне. К полудню на южной стороне домов зазвенела капель. Пригревало солнце. В это воскресенье базар был особенно оживленным. Кто меняет поношенные ботинки на сахарин, кто меховую шапку – на сигареты или махорку, кто ватник – на свечи, кто костюм – на кусок свиного сала. В большинстве своем здесь были люди, которых пригнали сюда нужда и голод. Шныряли по рынку и прожженные спекулянты. Этих не интересовали старые ватники. Им нужны были немецкие марки, но не оккупационные, а, как они говорили, главные. Из русских денег их очень интересовали николаевские золотые монеты, но можно было сговориться с ними и на советские деньги, для которых они сами произвели девальвацию, приравняв рубль к копейке. Как-то Бабакин спросил у одного из

них, на кой черт он берет советские деньги, и услышал в ответ: «Что бы там ни было, но немец в России не выживет, а деньги, брат, даже царские, в революцию сразу не отменяли...»

В этот день бойко шла торговля и у Бабакина. Особенно расхватывали махорку, которую он продавал порциями в маленьких стаканчиках. Куча оккупационных марок росла на глазах. Бабакин торговал по патенту и обязан был брать этот бумажный хлам.

Неподалеку от его ларька, прислонившись к стене заколоченного магазина, стоял Кравцов. На нем было хорошее драповое пальто, пыжиковая шапка и подшитые кожей белые бурки. Он наблюдал базарную толчею, дымя хорошей немецкой сигарой. Наконец тот, кого так ждали Кравцов и Бабакин, появился на рынке. Это был Еремеич – чистенький маленький старичок в куртке из домотканого серого сукна, в добротных валенках с отворотами и короткополой черной шляпе. Он привычно втерся в гущу рыночной толпы и исчез в ней. Спустя несколько минут он вынырнул перед самым ларьком Бабакина. Лицо его покраснелось, маленькие глазки под густыми седыми бровями возбужденно блестели. По-видимому, ему доставляла наслаждение эта рыночная толкотня. Он обвел рынок медленным взглядом и подошел к ларьку.

– Здравствуй, Григорий Ефимович, – сказал он высоким певучим голосом, протягивая Бабакину руку через прилавок.

– Привет, Еремеич. Как дела-делишки?

– Дела забыты, а заниматься делишками вроде стар стал.

– Зайди, Еремеич, – тихо сказал Бабакин.

Еремеич будто не слышал приглашения, продолжал стоять, облокотясь грудью на прилавок. Потом лениво оттолкнулся руками и не спеша пошел ко входу в ларек.

Бабакин пододвинул ему пустой ящик.

– Садись.

– Благодарствую.

Еремеич сел и принялся рассматривать разложенный на полках товар.

– Не густо, не густо, – усмехнулся он.

– То, что мне надо, я имею, – рассмеялся Бабакин.

– Это здесь-то? – недоверчиво спросил Еремеич. – Не смей ты меня, старика.

– Я же тебе, Еремеич, не раз говорил: имей голову на плечах, а доход сам появится.

– Что верно, то верно, – вздохнул Еремеич и посмотрел на вытасщенные из-за пазухи часы-луковицу. – Бежит время, спасу нет.

Бабакин точно не понял намек. Занялся покупательницей. Она уговаривала его зайти к ней домой посмотреть самовар, который она хотела продать.

– Нет, мадам, у меня такого правила нет, чтобы по домам бегать, – отбивался Бабакин. – Принесите или кого попросите. Тут мы дадим ему оценку, и делу конец.

– А вдруг ваша цена меня не устроит, а таскать самовар туда-сюда, думаете, легко?

– Больше ничем не могу помочь, уважаемая.

– Хоть примерную цену скажите. Самовар-то серебряный, медальный, на двадцать пять стаканов, в виде шара на гнутых ножках.

Бабакин рассмеялся.

– Цыган за глаза коня купил, а он козой обернулся.

Женщина обиженно поджал губы и ушла. Бабакин сел рядом с Еремеичем на ящик и приступил к делу:

– Ты давеча биржей интересовался. Так вот, насчет биржи пока ничего не скажу, но есть человек, который имеет доллары, а что он за них хочет – не знаю, кажется, камешки. Так я понял его намек.

– Кто такой? – оживился Еремеич. – Здешний?

– Да откуда у здешних доллары? С Запада откуда-то, но русский. А может, поляк.

– А сам чего доллары не берешь? – прищурясь, спросил Еремеич.

– Предпочитаю золотишко.

– Ну и дурной. Доллар – он, что в мире ни стрясись, всегда на ребре стоит, а золотишко – оно и вес имеет, и пробу, и на него когда спрос, а когда и дуля в нос.

– А чего же тогда этот тип доллары продает? Выходит, камешки лучше?

Еремеич покровительственно улыбнулся.

– Ты, милый друг, я вижу, действуешь вслепую и не имеешь профессии. – Он помолчал и заговорил тоном лектора, причем было видно, что ему доставляет удовольствие даже говорить обо всем этом. – Доллар всегда стоит на ребре – это факт. Но с ним никакой фантазии случиться не может. А камешки, дорогой мой, они не только блеском играют, они сами игру могут вести. Конечно, в нашем городе им никакой игры нет. Ты говоришь, что тот человек с Запада, а там совсем другое дело. Если он, скажем, из польских районов, так там камешку игры сколько хочешь. Там действует не камешек, а мода и женский каприз, и фанаберия. И тогда начинает играть всеми бликами цена камешка. Вот тебе, уважаемый, и выгода: здесь у нас взять камешки без всякой игры в цене, а там пустить их во всем блеске. А с долларом, хоть он и тверд, такой игры и блеска не бывает.

– А чего же ты сам непустишь камешки на блеск?

– Кабы имел дорогу на Запад, пустил бы, – изрек Еремеич. – А потом еще играет роль характер дельца. Доллар любит дельца спокойного, который свои нервы бережет, как деньги. Но всегда были и такие – с фантазией в голове, любящие поиграть на собственных нервах. Этому ничего, кроме камешка, не надо. И замечу: дела они проворачивали миллионные. Горели другой раз страшно, но риск ихний всегда хорошо оплачивался.

– Этот, наверное, как раз такой и есть, – раздумывая, сказал Бабакин и, точно встряхнувшись, вышел из раздумья. – Спасибо, Еремеич, за урок. Теперь я, пожалуй, с этим типом поговорю. А то ведь я, дурак, подумал: зачем человеку камешки, когда у него есть доллары? – Бабакин озадаченно покачал головой. – Скажи пожалуйста, ценная наука!

На лице у старика проступили тревога и злость. Тревога, что Бабакин перехватит у него клиента, а злость, по-видимому, на себя за то, что он неизвестно зачем вправил мозги этому безмоторному кустарю-одиночке. Он явно не знал, что ему делать для устранения конкурента.

– А ты доллар-то в руках когда-нибудь держал? – вдруг, будто обеспокоенно, спросил он.

– Не доводилось.

– Тогда смотри в оба: в два счета фальшивку тебе сунут.

– А как проверить? – деловито спросил Бабакин.

– Как, как... – на этот раз Еремеич от поучений удержался.

– А ты фальшивку увидишь? – спросил Бабакин.

– За два аршина одним глазом.

Бабакин сунул руку за пазуху и вытащил зеленый долларовый банкнот.

– Какой он? Верный или как? – спросил Бабакин, держа банкнот на расстоянии.

– Покажи ближе, – осевшим голосом попросил Еремеич.

Бабакин покуражился и дал ему бумажку.

Надо было видеть, как Еремеич взял ее и как он ее держал – уважительно, осторожно, даже нежно, как он любовно со всех сторон ее осматривал и долго не хотел вернуть Бабакину.

– Гарантия – полновесный, – сказал он наконец, с уважением смотря на Бабакина. – А ты, я вижу, не так прост, как кажешься.

– Ты об этом? – Бабакин показал на американский банкнот и тут же сунул его за пазуху. – Чисто для коллекции сделал пару бумажек. Был у меня один камешек, шало в руки попался, и ходу я ему не видел. Вот и загнал его. Так тот тип все не верил, что у меня только один этот камешек. «Ну и дельцы, – говорит, – в ваших краях! Вам бы, – говорит, – только курами торговать».

– А их у него много? – осторожно спросил Еремеич, касаясь пальцем груди Бабакина, где была спрятана долларовая бумажка.

– Вот из такой пачки вынул, – Бабакин показал руками пачку размером в кирпич и индифферентно сказал: – А может, мне поискать ему этих камешков? Мне ведь, дураку, не раз их предлагали, а я не брал. Зачем, думаю, мне такой неходовой товар?

– Ты погоди-ка, – вдруг заговорщицки сказал Еремеич. – Для начала хочешь от меня на этом куш иметь?

– Как это? – недоверчиво заинтересовался Бабакин.

– А так. Сведи меня с этим человеком, и от моего оборота получишь комиссионные.

– Ты же обманешь, Еремеич, оборот покажешь один, а в самом деле провернешь другой.

– Зря говоришь, – обиделся Еремеич. – Между собой люди дела рук не марают. Никогда. Мы же не большевики – сгори они в аду! Закон: ты помоги мне, а я тебе.

Бабакин еще минут десять не сдавался. Еремеич наседали и распалялся все больше. Наконец Бабакин капитулировал, и трагическая для Еремеича его встреча с Кравцовым состоялась...

До весны кравцовская группа «Алмаз» с негласной помощью Бабакина провела еще несколько подобных операций. В дальнейшем с каждой операции Кравцов организовывал «отходы» для Савушкина, который продолжал свои коммерческие дела с инженером Хорманом. Однажды Кравцов пришел к Клейнеру и сказал:

– По-моему, мы выкачали все, что было в этом городе. Прошу вас подумать о моей дальнейшей работе.

– Без работы вы не останетесь, – ответил Клейнер. – А пока, господин Коноплев, я имею честь сообщить вам, что за заслуги в организации помощи армии вы награждены орденом...

Глава 2

Подготовка и тотальный заброс агентуры начались еще в конце зимы. Советских военнопленных доставляли в «Сатурн» из нескольких лагерей, даже из тех, которые находились в Польше и Германии. Специальные сотрудники абвера, разосланные по лагерям, вели там предварительный отбор. К концу марта Андросов один уже не справлялся с проверкой и обработкой поступавших в «Сатурн» пленных. В помощь ему был направлен Рудин.

С утра до позднего вечера Рудин беседовал с пленными. За день перед ним проходила вереница людей, и у каждого за душой была какая-нибудь подлость. По этому признаку их и подобрали в лагерях. Но, меченные одним клеймом, эти люди были все-таки очень разными. Таких, которые свою подлость убежденно считали доблестью, было немного. Большинство, беседуя с Рудиным, старалось приуменьшить значение своего подлого поступка. И тогда между Рудиным и его собеседником возникала своеобразная игра. Пленный скромничал, говорил, что он только формально числился доносчиком, но ничего особо полезного для Германии сделать, мол, не успел. А Рудин эту его скромность подвергал всяческим искушениям и по степени податливости пленного на искушения определял глубину падения человека и его опасность как будущего агента. Но и эти «скромники» были далеко не на один манер. Один становился скромным, лишь когда узнавал, что за работа ему предстоит, и категорически заявлял, что все написанное в характеристике – чистая брехня. Рудин видел: перед ним подлец, да еще и трусливый. Другой, добровольно дав согласие стать агентом, которого пошлют в советский тыл, скромничал только для того, чтобы ему дали задание полегче, так как на серьезное дело у него, видите ли, нет способностей... Были и такие, которые ради хорошего заработка готовы были на все. Самой редкой разновидностью были убежденные идейные враги советской власти, искренне желавшие выслужиться перед ее врагами... Словом, что ни человек, то новая загадка для Рудина. И загадка нелегкая, если учесть, что от его решения зависело, очутится ли тот или иной человек на советской территории в качестве агента гитлеровской разведки. Он старался, конечно, отправить в разведывательную школу как можно больше таких, которые по своим данным просто не могли стать хорошими агентами. Однако делать это нужно было очень осторожно: отобранные им люди проходили еще не одну проверку в школе.

На каждого принятого в школу агента Рудин составлял словесный портрет и краткую характеристику. Он передавал эти сведения Бабакину, тот переправлял их Маркову, а затем их получала Москва. Но Рудин понимал, что Москва ждет от него большего. Он предпринимал все, чтобы проникнуть в тайное тайных «Сатурна» и знать не только лица и имена агентов, но и то, когда, куда, с какой целью их забрасывают в советский тыл. И все же ближе к этой цели он не стал. Марков был прав: с началом тотальной подготовки агентов обстановка в «Сатурне» для Рудина стала более благоприятной. Спешка всегда в конфликте с бдительностью и даже с простой осторожностью. И все же неглупые люди, видать, разрабатывали систему секретности важнейших тайн «Сатурна»...

– Для разведчика терпение – оружие, – говорил себе Рудин, но эта истина не утешала его.

...Это весеннее утро началось для Рудина, как обычно. Когда он вошел в свой служебный кабинет, на столе уже лежал список военнопленных, с которыми он должен сегодня беседовать. Список был длинный. Заглянув в него, Рудин вздохнул и сел к столу. На кнопке звонка в комендатуру весело сиял солнечный блик, а нажми ее – и начнется тяжкое грязное дело.

Конвойный ввел молодого человека лет двадцати трех. Первое, что поразило Рудина, – внешний облик юноши. Он был очень красив. На нем топорщилась замызганная военная гимнастерка, прорванные на коленях брюки и вместо сапог опорки. Но все это на нем выглядело не жалко, не безобразно. И сам он весь был подтянутый и спокойно-сосредоточенный. Чаше перед Рудиным представляли люди с потухшими глазами. Пока пленный усаживался на стуле,

Рудин хорошо разглядел его лицо. Смугловато-матовый его цвет выдавал в пленном южанина – грузина или армянина. Черноволосый, чернобровый, над верхней, чуть вздернутой губой – черные усики, а глаза неожиданно голубые, со стальным отливом. Он смотрел на Рудина смело и даже с любопытством.

Рудин взглянул в справку и спросил:

– Каждан?

– Так точно, – сразу ответил пленный. – А еще точнее – Кажданян, я армянин... – сказал он без малейшего акцента. – Уроженец и житель Ленинграда. Отец – рабочий, мать – домохозяйка. Учился на третьем курсе Ленинградского кораблестроительного института. На фронт ушел добровольно в первые дни войны. Ни в партии, ни в комсомоле не состоял. В армии служил в разведке. В плен попал во время ночного поиска «языка». Был контужен миной и очнулся уже в немецком блиндаже.

Беседа развивалась нормально, он подтвердил все остальные данные справки. Но с самого начала у Рудина возникло недоумение, почему этот парень согласился стать агентом. В характеристике было сказано: «Добровольно изъявил согласие работать в немецкой разведке».

– Это правда? – спросил Рудин.

Каждан пожал плечами и не ответил.

– Я спрашиваю: вы дали согласие работать с нами?

– В общем – да.

– Что значит – в общем?

– То и значит, – ответил он с вызовом.

– Вы представляете, какая работа вам предстоит?

– Тоже в очень общих чертах. – Каждан еле заметно усмехнулся. – Прошу вас уточнить.

– Вы пройдете курс специального обучения и затем с самолета или через фронт будете заброшены в советский тыл. Там вы будете действовать в качестве нашего агента. Понятно?

– В чем будут заключаться мои действия?

– Вы будете снабжать нас информацией.

– Какой?

– Полезной для Германии.

– И вредной для моих соотечественников?

– Естественно.

Рудин пристально смотрел на Каждана, он чувствовал, что за вопросами парня скрыта не наивность, а нечто другое. Их взгляды встретились. Голубые глаза Каждана приобрели стальной оттенок. Он откинулся на стуле, точно хотел лучше разглядеть Рудина.

– Скажите... по личному опыту, – медленно заговорил Каждан. – А ведь это, наверное, нелегкая работа – помогать врагам и вредить своему народу?

– Что, что? – не поверил своим ушам Рудин. – Что вы сказали?

– То, что вы прекрасно слышали. Могу только добавить: работа эта, вероятно, не только тяжелая, но и подлая.

Рудин не знал, как ему поступить, как реагировать на происшедшее. Как добросовестный служака «Сатурна» он должен немедленно вызвать конвой и отправить парня обратно в лагерь, где его сживут со свету. Но Рудин сухо спросил:

– Непонятно, зачем вы дали согласие на эту работу?

Тяжело дыша и глядя на Рудина ненавидящими глазами, он сказал:

– Скажу... скажу... Очень хочется вернуться на Родину. А других способов нет...

Рудин, видя, что парень уже не владеет собой, спокойно сказал:

– Но тогда вы поступили очень глупо. Вам нужно было до конца разыгрывать роль человека, согласившегося у нас работать. А вы сразу раскрыли свои карты и, надеюсь, понимаете: теперь рассчитывать на хорошее вы не можете.

Стальной блеск в глазах парня потух, он тяжело дышал, опустив голову.

– Я не смог... – тихо сказал он. – Увидел вас, сытого, красивого, довольного собой, и не смог... сорвался. Делайте со мной, что хотите.

Рудин смотрел на него, боясь обнаружить свое волнение, и решительно не знал что делать, во всяком случае, сейчас, в эту минуту.

Наконец он вызвал конвойного и приказал увести пленного в комендантское помещение.

Уже у дверей Каждан обернулся и с насмешкой и ненавистью посмотрел на Рудина. Конвойный толкнул его в спину.

После этого Рудин два часа разговаривал с другими пленными, но все это время помнил о Каждане и думал, как с ним поступить. В конце концов решение было принято.

Рудин пошел к Андросову и рассказал ему про Каждана. Договорились, что в самом конце дня (за это время Каждан, надо надеяться, всесторонне продумает свое положение) Андросов вызовет его к себе и проведет допрос так, будто утром его не было. Они рассчитывали, что Каждан, поняв свою ошибку у Рудина, постарается исправить ее у Андросова и будет говорить, что он хочет работать в «Сатурне» и готов выполнить любое его задание. Тогда Андросов направит его в школу. Ну а если он не поймет, что его хотят спасти и предоставить ему возможность вернуться на Родину, тогда пусть пеняет на себя. Больше Рудин ничего сделать для него не мог. Ради него навлекать на себя подозрение он не имеет права: слишком большую и важную работу ему еще предстоит здесь выполнить.

В конце рабочего дня Андросов зашел к Рудину.

– Все в порядке, я отправил его в школу.

– Он все понял?

– Думаю, что нет, – грустно улыбнулся Андросов. – Я подумал: если он сорвался у вас, он может сорваться и в школе, а тогда нам с вами будет плохо. Очень хороший парень, но излишне импульсивный. Брать его в сообщники даже на время обучения в школе опасно. Я сказал, что сотрудник, который беседовал с ним утром, попросту не понял его, и сразу начал его уговаривать. И он согласился. Он, наверное, решил, что мы оба болваны и что он нас переиграл. Он даже просил передать вам свои извинения за то, что ввел вас в заблуждение. И он, конечно, сдается первому же милиционеру.

После этого случая Рудин и Андросов еще не раз используют такой способ возвращения пленных на Родину.

Помня о главной своей цели, Рудин предпринимал все, что мог, для того чтобы сблизиться с Фогелем – начальником школы, который ведал также агентурной связью. В самом начале он совершил досадную ошибку, которую не мог исправить до сих пор. Виноват в этой ошибке был Андросов, характеризовавший Фогеля как очень примитивного, типичного наци среднего звена. И когда у Рудина появилась первая возможность разговора с Фогелем, он прежде всего пустил в ход элементарную лесть.

– Я вижу, какую колоссальную работу вы ведете, – сказал ему Рудин, – и удивляюсь, почему вам не присвоено более высокое и достойное звание.

Фогель внимательно посмотрел на него и сказал:

– Звание – это не более как приставка к имени. А уму человека оно ничего не прибавляет. – Он холодно улыбнулся. – А иногда и убавляет. Это когда человек схватит непосильное ему звание.

– Но я вижу здесь людей, – продолжал свою линию Рудин, – которые выполняют значительно меньшую работу, а звание носят высокое. Я этого не понимаю.

– В таком деле, как наше, – серьезно сказал Фогель, – банк подсчитывается после игры. А в настоящей игре генералы и фельдфебели имеют равные шансы. Успех решает умение играть.

Рудин уже понял, что Фогель совсем не так примитивен, как показался он Андросову.

Вечером сотрудники «Сатурна» смотрели кино. Очевидно, с целью улучшить их знания о России, показывали состряпанную немцами сентиментальную, пошлую картину из жизни русского композитора Чайковского. В просмотровом зале Рудин оказался рядом с Фогелем. Уже в самом начале фильма Фогель начал подавать насмешливые реплики. А в середине фильма он тронул Рудина за руку и тихо сказал:

– Как ни мила наша кинозвезда Зара Леандер, не лучше ли этот весенний вечер провести в обществе натуральных звезд?

– Согласен, – ответил Рудин.

Они вышли на улицу и направились к центру города. Вечер был нежный, теплый, и, как по заказу, черное бархатное небо было густо усыпано звездами. На улицах ни души. Единственный звук – кованные шаги патрулей, которые то и дело останавливали их, но, узнав, с кем имеют дело, щелкали каблуками и торопились уйти.

– Эта наша бдительность мне надоела, – рассмеялся Фогель после очередной встречи с патрулем. – Идемте в городской парк, посидим, у меня там есть излюбленное местечко.

Вскоре они уже сидели на скамейке у пруда под высокой одинокой сосной, которая и без ветра все время поскрипывала.

– Люблю слушать эту сосну, – сказал Фогель. – Она будто кряхтит от старости, но посмотрите, как еще сильна. Есть вот такие старики: переживут иных молодых, а кряхтят, кряхтят, чтобы все знали об их старости и уважали ее... – И без паузы спросил: – Что вы скажете об этом фильме?

– Что же тут скажешь? Плохо, очень плохо, – не торопясь ответил Рудин. – Создатели этой картины бродили в потемках и шли на свет, который они сами зажгли.

– Я не совсем вас понял, – сказал Фогель.

– Фильм о Чайковском – это фильм о России, – продолжал Рудин. – А она для авторов картины – потемки. И чтобы выбраться из этих потемок, они обратились к дешевой сентиментальности – это всегда действует; пошлая песенка – тоже действует, неразделенная любовь – тоже верный козырь. И, скажите, какое значение имеет для нас, слушающих его великую музыку, была счастливой или горькой его личная судьба?

– Я тоже думал об этом, – сказал Фогель. – Между прочим, у меня дома есть несколько пластинок; его музыка потрясает своей чистотой, особенно Третья симфония. Когда я вижу здешние пейзажи, всегда слышу эту музыку. И о главном, ради чего он жил, авторы фильма умудрились не сказать ничего... – Фогель вдруг рассмеялся. – Наша работа здесь в чем-то бывает похожа на этот фильм. Действуем мы в России, а главной ее специфики не учитываем или, честно говоря, не знаем ее.

Рудин промолчал.

– Вы не обидитесь, если я задам вам один вопрос? – спросил Фогель.

Рудин молча кивнул.

– Вы пришли к нам по велению ума, совести, души или обстоятельств?

– И то и другое, – не раздумывая, ответил Рудин. – Только обстоятельства были, пожалуй, всего лишь ускорителями главного процесса.

– Вы все же немец, вам, наверное, трудно контактировать с Андросовым?

– Нет. Хотя вот он человек, которого привели к вам главным образом обстоятельства, но не только обстоятельства войны, но и его довоенной жизни, когда его обидели.

– Да, да, я в курсе, – сказал Фогель.

– Мне кажется, Андросов – очень надежная фигура.

– А если обстоятельства изменятся, тогда как? – быстро спросил Фогель.

– Какие обстоятельства?

– Ну... ход войны?

– Да что вы, господин Фогель! Назад ему все пути отрезаны. На той стороне его ждет только одно: расстрел или виселица.

Рудина насторожил последний вопрос Фогеля. Это, пожалуй, похоже на деловое прощупывание.

– У вас есть семья? – продолжал спрашивать Фогель.

– Только отец, из-за него я и не женился.

– Как это так?

Рудин рассмеялся.

– Он ревновал меня ко всем моим девушкам, существующим и несуществующим. Когда я учился и потом, когда жил в Москве, каждое его письмо начиналось вопросом: не променял ли я на юбку его верную отцовскую любовь? Иногда, особенно в юности, мне эта его ревность казалась патологической, а потом я к ней привык и как-то примирился. Я нравился женщинам и без женитьбы и в конце концов сам пришел к мысли, что с женитьбой лучше подождать и подольше пожить, как говорится, в свое собственное удовольствие.

– А у меня есть жена, – задумчиво сказал Фогель. – И разлука с ней меня тяготит.

– Вот этого-то и я боялся.

– Мы обвенчались в день, когда наши войска вступили во Францию, – начал рассказывать Фогель. – Спустя месяц я уже был в Париже. Она туда ко мне приезжала. Вы никогда не были в Париже?

– Нет.

– По-моему, самый прелестный город на Земле. Он создан для любви. Мы с Ренатой провели там незабываемое время. Тогда из Парижа все виделось иначе, даже дальнейший ход истории, даже Россия с ее грозной таинственностью. Мы с Ренатой решили тогда, что у нас будет ребенок и мы назовем его Адольфом. Но, увы, оказалось, что она не может рожать. Я не поверил своим врачам, показал ее французским. Они сказали то же самое. Вот так скоро пришло к нам первое горе...

Фогель рассказывал все это с чисто немецкой сентиментальностью, в которой для него органически сливались и история Германии, и неспособность жены к деторождению, и их фанатическая любовь к Гитлеру, чьим именем они хотели назвать сына. Рудин слушал Фогеля с огромным интересом, потому что в его рассказе была не только эта извечная немецкая сентиментальность, в нем чувствовалось гораздо более важное – настроение слепого приверженца гитлеризма.

– Вы сказали, – первое горе. Потом случилось что-нибудь еще? – сочувственно спросил Рудин.

Фогель вздохнул.

– Потом случилась эта война.

Они помолчали.

– А почему вы не вызовете жену сюда? Ведь это как будто разрешается? – спросил Рудин.

Фогель развел руками:

– Что вы, Крамер! Они же там представления не имеют, в каких собачьих условиях мы здесь живем. Сегодня я получил письмо. Жена просит меня не засиживаться допоздна в коктейль-барах, как я это делал в Париже. – Фогель засмеялся. – А на прошлой неделе она прислала мне французский экстракт для ванны, пишет, что он делает кожу бархатистой. Вы понимаете, Крамер, с какого неба Рената смотрит на нашу жизнь в здешних условиях? Она выросла в семье, где царит убеждение, что первый утренний кофе должен быть подан в постель.

– Она из богатой семьи?

– Да. Очень. Когда я женился, товарищи звали меня счастливым. Тогда и я так думал. А теперь, знаете, что я думаю? Перед лицом войны все равны, а богатые люди – несчастней в

ней еще больше, чем бедные. Случись беда, Рената моя не переживет. Эти люди трагически не готовы к трудностям.

– Какая беда? Вы же не на фронте. Вернетесь домой и заживете в свое удовольствие. Утром кофе в постели, – ей-богу, это, наверное, неплохо!

Фогель повернулся к Рудину и молча смотрел на него. Его глаз в темноте не было видно, но Рудин представлял себе их выражение и с нетерпением ждал самого откровенного. Но Фогель сказал:

– Я бесконечно верю в гений фюрера и в немецкую армию.

«Зачем он это сказал? – подумал Рудин. – Что стоит за этим? Поправка к излишней откровенности? Вызов на разговор?»

Рудин молчал и ждал. Возможное развитие разговора было чересчур острым и опасным.

– Впрочем, вы же только наполовину немец, – усмехнулся Фогель, – вы, наверное, никогда не поймете нашей веры в фюрера.

– Почему? – обиделся Рудин. – Я шел на любой риск, связанный со сдачей в плен, по той же причине.

– Я верю вам, – тихо произнес Фогель и вдруг с ожесточением сказал: – Но мы с фюрером будем в любой ситуации до конца, а вы еще можете пожалеть, что пришли к нам. Не возражайте, пожалуйста, я говорю абсолютно искренне, убежденно и не имею к вам никаких претензий.

Рудин сказал после паузы:

– Ваша искренность и доверие взволновали меня. И я хочу говорить тоже искренне и прямо. Я непреклонно верю в победу великой Германии и не допускаю мысли о каких-то бедах или любых ситуациях. Из всех сатурновцев моя душа больше всего тянется к вам, я сам не знаю почему. И вдруг именно от вас я слышу... Я потрясен...

– Вы, вероятно, неправильно меня поняли, – быстро заговорил Фогель, слишком быстро, чтобы Рудин не мог заметить, как он встревожен. – Личный план разговора – это одно. А что касается любой ситуации, то вам не мешало бы почитать «Майн кампф». Там Гитлер говорит, что величие национал-социализма познает тот, кто, согнувшись, пройдет и через катастрофу, и через триумф. – Фогель овладел собой и уже спокойно и даже с иронией продолжал: – Из всех любых ситуаций у нас с вами сейчас создалась самая смешная: меня, члена национал-социалистической партии с тридцать пятого года, трижды испытанного работника святая святых рейха – абвера, подозревает в неверии человек, без году неделя назад перебежавший к нам от противника. Ну, право же, это смешно, Крамер...

Рудин видел, что голыми руками Фогеля не возьмешь, но одновременно он чувствовал, что его собеседник встревожен; это чувствовалось даже в его смехе, внезапно оборванном.

Фогель ударил ладонями по коленям и встал.

– Вот что, пойдете-ка мы домой, я угощу вас чудесным французским коньяком по имени «Арманьяк».

– Это всегда с удовольствием, – весело отозвался Рудин, вставая.

Фогель жил там же, где работал. Две его комнаты находились в одноэтажном каменном доме, пристроенном к зданию разведшколы.

Они прошли мимо часового, который стоял на школьном крыльце. Второй часовой был у входа в радиоузел, где вдоль стен стояли приемо-передающие рации. Все они сейчас были зачехлены, и только возле одной клевал носом дежурный радист. Увидев входящего Фогеля, радист вскочил.

– Сидите, сидите, Вилли, – дружески сказал ему Фогель. – Ничего срочного нет?

Радист взглянул на настенные часы и ответил:

– Первый пояс связи начинается через час сорок три минуты.

– Чья смена работает ночью?

– Максфельда.

– Прекрасно!

Фогель отпер ключом обитую жестью дверь, открыл ее настежь и обратился к Рудину:

– Прошу.

Первая комната, куда они вошли, была служебной: возле окна стоял большой письменный стол, у стен – два сейфа и шкаф, на дверцах которого сверху, посередине и внизу висели сургучные печати. Из этой комнаты они прошли в другую, поменьше. Половину комнаты занимала старинная кровать из красного дерева. На круглом столе, застланном скатертью с белорусским орнаментом, стояла большая фотография молодой красивой женщины.

– Это и есть моя Рената, которая любит пить утренний кофе в постели, – весело сказал Фогель, доставая из тумбочки бутылку и рюмки. Они сели к столу, Фогель наполнил рюмки. – Для полного уточнения любой ситуации, – смеясь, сказал он, – мы первую рюмку выпьем за победу Германии. Хох! – он опрокинул в рот рюмку.

Рудин выпил свою несколькими глотками.

– Ах, какой напиток! – восхищенно сказал он.

– Поддерживайте со мной знакомство, Крамер, и вы часто будете прикасаться к таким родникам. Я привез сюда весь свой запас, сделанный в Париже.

Выпили еще по рюмке – за то, что судьба их познакомила и свела на одном священном деле, и продолжали разговор.

– Знаете, я не представляю себе работы не в разведке, – оживленно заговорил Фогель. – Вам, Крамер, чертовски повезло. Вы, умный человек, должны полюбить эту работу. Вот там, за дверью, зал оперативной связи. Сидишь там, кругом попискивают радиостанции, и невольно начинает казаться, будто ты слушаешь пульс России. Правда, агенты, которых мы туда посылаем, не в обиду будь вам сказано, оставляют желать лучшего, это, конечно, не то, что наши работяги, скажем, во Франции. – Фогель оживлялся все больше, было видно, что он действительно любит свою работу и ему доставляет удовольствие говорить о ней. – Но я сторонник такой позиции: каждый, даже самый слабый агент, если он закрепился на территории противника, – это наши глаза, и от нас уже будет зависеть, куда направить эти глаза. Наконец, умение приходит, приобретается. Вот есть у нас одна любопытная точка в Москве. У своих родственников закрепился наш агент, парень лет двадцати. Два раза откладывали его выпуск из школы, считали его безнадежным. Но было страшное безлюдье, и его в конце концов забросили. Первый месяц я с ним мучился невероятно. На что его ни нацелим, он ничего сделать не может. И вдруг он сам начал присылать интересные донесения – наблюдения за жизнью Москвы. Он описывает в них магазины, вокзалы, киношки и тому подобное. И хотя он не дает нам никаких конкретных фактов, его зарисовки необычно интересны в смысле разведки противника. Сам адмирал Канарис приказал выдать этому агенту премию. Вчера, например, этот агент прислал описание жизни одного большого московского дома, в котором он живет. Никаких конкретных данных для генерального штаба, и в то же время данные ценные. Например, он сообщает, что большой десятиэтажный дом наполовину пуст. Говорят, что в октябре прошлого года, когда Клюге остановился под Москвой, в городе была нервная обстановка, многие покинули город. А теперь они хотели бы вернуться, но очень трудно получить пропуск на въезд в Москву. Отсюда нетрудно сделать вывод, что Кремль все еще боится потерять Москву и не хочет ее перегружать населением. Разве все это неинтересно?

– Конечно, интересно, – согласился Рудин. – Только одно сообщение о системе пропусков на въезд в Москву имеет огромную ценность.

– Вот видите, – обрадовался Фогель, наливая коньяк в рюмки. Они выпили, и Фогель продолжал: – А сколько мне пришлось потратить сил и нервов, чтобы доказать ценность и такого вот агента! Мюллер трижды мне приказывал сунуть его в мешок, но я выстоял.

– А что это значит – сунуть в мешок? – спросил Рудин.

– Это значит – отказаться от использования агента по первому отделу и перевести его во второй, то есть поручить ему какую-нибудь диверсию и считать, что это максимум того, что можно получить от него. Провалится агент затем или нет, неважно. Сам Мюллер и придумал это дурацкое выражение – сунуть в мешок. Сейчас, с начала тотального заброса, он только и печется о своем мешке. Теперь и на отбор агентов он смотрит с позиции: чем хуже – тем лучше, потому что считает, что даже у полного кретина хватит ума сунуть мину в подъезд дома или выстрелить из-за угла. Мюллер – поэт второго отдела. Но ничего, пока есть Зомбах, настоящая разведка тоже будет жить.

– Должен же кто-то работать и по второму отделу, – сказал Рудин.

– Конечно, однако не за счет разведки. Я понимаю, у них пока что негусто, а в то, что они сообщают, я иногда просто не верю. На днях один агент сообщил, что он на запасных путях взорвал паровоз. Пойди проверь! – Фогель рассмеялся. – У нас по первому отделу в этом отношении все ясно: агент либо получился, либо не получился, видно это невооруженным глазом по его донесениям. И в этом смысле я за тотальный заброс, так как при этом больше шансов на увеличение числа способных агентов. Кстати, вот о чем я хочу вас попросить. Если к вам попадет пленный с явным плюсом для использования его в первом отделе, делайте на его карточке пометку, скажем, в верхнем углу справа ставьте букву «ф», и я буду знать: это товар для Фогеля. Хорошо?

– Не возражаю, но ведь существует инструкция, – сказал Рудин.

– Хорошо. Зомбах даст вам соответствующее указание. Этого будет достаточно?

– Вполне, – улыбнулся Рудин и тут же вспомнил о Каждане. – Вот только что в вашу школу направлен некий Каждан. По-моему, парень с крепкой, хорошей головой.

Фогель записал фамилию Каждана в свой блокнот.

– Обязательно поинтересуюсь...

Рудин ушел от Фогеля в первом часу ночи. Настроение у него было прекрасное, он с пользой провел вечер.

Глава 3

Самым трудным для Маркова было ожидание. Оно стало еще более томительным после того, как решили как можно реже выходить в эфир и перейти на связь через «почтовые ящики». Некоторые сообщения из города приходили к нему на четвертый, а то и на пятый день. В свободные часы он проводил занятия с бойцами Будницкого, учил их методам и технике разведывательной работы. Это уже давало ощутимый результат: бойцы активно действовали по всей округе, часто уходили в дальние рейды; возвращаясь, приносили иногда очень ценную разведывательную информацию...

В этот вечер в отряде Будницкого проходило партийно-комсомольское собрание, на котором присутствовал Марков. Бойцы сидели на маленькой лесной полянке, а президиум расположился на пригорке у корявого ствола старого дуба. Вокруг шумела и блистала молоденькая листва. Где-то близко-близко на все лады заливался соловей. Но как не к месту был его веселый свист! На собрании обсуждали тяжелое событие последних дней. Отряд Будницкого впервые понес большие потери. В одном бою погибло шесть бойцов. Самое обидное заключалось в том, что произошло это только потому, что командир группы Ловейко проявил беспечность и слепую самоуверенность.

Ловейко вел свою группу по дальнему кольцевому маршруту. Дела шли хорошо – группа взорвала важный железнодорожный мост и отбила у полицаев повозку с продовольствием. На четвертые сутки, уже в темноте, они подошли к деревне Лосихе, расположенной на берегу небольшой речушки. Деревня была маленькая, домов пятнадцать, не больше. Ловейко решил, что немецкого гарнизона здесь быть не может, и всем составом группы вошел в деревню без предварительной разведки. Когда они добрались до середины единственной, тянувшейся вдоль реки деревенской улицы, по отряду ударили несколько пулеметов. Уцелевшие бойцы бросились к реке и залегли там в прибрежном кустарнике. Бой длился до рассвета и закончился тем, что гитлеровцы заставили остатки отряда беспорядочно отступить. Уцелевшие бойцы и сам Ловейко вернулись на базу.

Ловейко специально предупреждали, что немцы немедленно приспособятся к борьбе с рейдовыми отрядами, Будницкий втолковывал ему: «Ни шагу без разведки». И вот не стало шестерых бойцов, и среди них богатыря Ольховикова, того самого, который руководил боем, когда Рудин сдавался в плен. Мало того, Ловейко не знал, все ли, кто остался на деревенской улице, убиты. Может, там были и раненые? Потеряна повозка с продовольствием, нужда в котором была очень острой.

Марков на собрании не выступал, он слушал, что говорят другие. Это было первое в отряде серьезное нарушение воинской дисциплины. Впрочем, нет, нарушения бывали и раньше, но поскольку они не приводили к трагическим последствиям, о них говорили иногда даже с этакой веселой лихостью. И именно Ловейко, считавшийся помощником Будницкого, пустил летучую поговорку: «Партизан – не солдат, он сам себе генерал».

– Ну, сам себе генерал, – сказал Будницкий, обращаясь к нему, – отвечай перед партией и народом за свое генеральское преступление. А раньше послушай, что скажу тебе я. Ты что же, решил, что мы из целой дивизии выбрали и послали сюда лучших из лучших, чтобы ты их здесь поставил под немецкие пулеметы?

Ловейко сказал что-то, но Будницкий, глядя на него бешеными глазами, крикнул:

– Отвечай, как ты посмел вернуться на базу живым?

Бойцы выступали коротко. Ловейко совершил преступление и, конечно, не может оставаться в партии. Говорили о том, что эта трагическая история должна послужить уроком для всех. Бойцы вспоминали случавшиеся раньше нарушения воинской дисциплины, называли фамилии, не щадили товарищей.

Марков видел суровые лица бойцов; видно было без слов, что этот случай никогда не будет забыт.

Ловейко не оправдывался и не просил снисхождения.

– Я сознаю свою вину, – сказал он и после долгого молчания добавил: – Пошлите меня на самое тяжелое, на смертное дело, чтобы я собственной кровью смыл свой позор.

Будницкий снова не утерпел:

– У нас все каждый день на смерть идут и считают это за честь, а ты хочешь идти, чтобы с себя смыть кровь товарищей? Хочешь красивую смерть? А расстрел перед строем ты не хочешь?

– Расстреливайте, – твердо произнес Ловейко.

Его исключили из партии. До решения командования о предании Ловейко военно-полевому суду постановили считать Ловейко под арестом и держать его в землянке, где он до сих пор жил вместе с четырьмя бойцами.

Люди разошлись притихшие, серьезные. А соловей, будто ничего не случилось, рассыпал в сумеречном лесу сладострастные трели. Марков шел с собрания погруженный в глубокое раздумье. Спустившись в землянку, он сел к столу и задумался о сотрудниках своей группы. Еще и еще раз придирчиво анализировал работу Рудина, Кравцова, Савушкина, Бабакина. Нет, нет, он не мог обнаружить даже намека на недисциплинированность кого-нибудь из них. В начале операции несколько легковесными были донесения Савушкина о его встречах с немецким инженером Хорманом. Но тогда он еще не понимал, какой важной может оказаться связь с этим неприятным для него человеком. В последних же его донесениях все было серьезно, точно, деловито... Нет, и Савушкин работал хорошо...

Уже почти месяц Савушкин неотлучно находился при Хормане. Получаемые им через Бабакина «отходы» от операций Кравцова по изъятию ценностей окончательно покорили немецкого инженера. Он решил не отпускать от себя Савушкина и оформил его своим вторым шофером и переводчиком для связи с русскими рабочими, привлекаемыми на строительство. На самом деле никакой такой связи Савушкин не осуществлял и, пользуясь машиной Хормана и выданными ему документами, «гонялся» за ценностями».

Не так давно опасной помехой для Савушкина вдруг стала пассия инженера – Тоська. Пронюхав, что за дела у Савушкина с Хорманом, она захотела иметь свою долю доходов. Савушкин обошелся с ней грубо: порекомендовал ей не совать нос куда не следует. Тогда она рассказала все своему другу Анатолию, и они решили действовать вместе. Сначала друзья вступили с Савушкиным в мирные переговоры. Но, не добившись своего, перешли к агрессивным действиям. Однажды вечером они подкараулили Савушкина в безлюдном месте и предъявили ему ультиматум: или половина ценностей им, или он пожалеет.

– С тебя вполне хватит табака, который ты от меня получаешь, – спокойно сказал Анатолию Савушкин и добавил Тоське: – А ты, если еще хоть раз пикнешь, потеряешь все, что имеешь...

Агрессоры явно растерялись и не знали, что им дальше делать. А пока они размышляли об этом, Савушкин ушел.

Однако вскоре Савушкин разгадал нехитрый их план. Они попросту решили ограбить Хормана и удрать. Подготовку к этому они вели грубо, с нахальной смелостью уголовников. Савушкин выследил их и предупредил Хормана. Тот рассвирепел, и спустя два дня наступила развязка: Хорман застал их, когда они рылись в его чемоданах. Угрожая пистолетом, он загнал их в чулан, запер и вызвал гестапо. Тоська и Анатолий попали в тюрьму. Они явно переоценили в Хормане лирическое начало.

Строительство аэродрома закончилось. Хорман сказал Савушкину, что какое бы новое назначение он ни получил, обязательно возьмет его с собой и найдет ему подходящую должность...

В этот день на аэродром начали прибывать бомбардировщики. К вечеру на стоянках, по подсчету Савушкина, их было не меньше шестидесяти. Завтра должны прибыть остальные, а также командование воздушной армии, которой этот аэродром был передан. Ночью Савушкин успел передать связному подполья подробное сообщение об аэродроме. Рано утром следующего дня над аэродромом на большой высоте пролетел советский самолет-разведчик. На перехват его вылетело звено «мессершмиттов», но они его не догнали: на большой высоте была довольно плотная облачность.

Днем Хорман передал по акту аэродром командованию воздушной армии. По этому случаю состоялся обед в офицерской столовой.

Савушкин, как приказал ему Хорман, ожидал его дома. Ранним утром они вместе уедут в Минск, где Хорман получит новое назначение. Чемоданы инженера уже были упакованы.

Савушкин проснулся оттого, что Хорман изо всех сил тряс его за плечи.

– Вставай! Вставай! Черт тебя взял!

Савушкин вскочил и сразу все понял. Наши самолеты бомбили аэродром.

– Чемоданы! – крикнул Хорман и потащил самый большой в машину.

На аэродроме рвались фугаски, горели самолеты. Бомба попала в бензохранилище, к небу поднялась стена белого огня.

Машина рванулась с места и понеслась по разбитой дороге, которая кружным путем вела к шоссе. Хорман настолько не владел собой, что включил обе фары.

– Погасите свет! – кричал ему в ухо Савушкин, но инженер точно оглох и продолжал гнать машину с зажженными фарами. Савушкин погасил фары. Темнота черной стеной возникла перед машиной. Хорман резко нажал на тормоз, чемоданы с заднего сиденья обрушились на их спины. Хорман выругался и стал вылезать из машины. Вслед за ним вылез и Савушкин. От аэродрома они отъехали уже километров пять. Налет советских бомбардировщиков продолжался. В черном небе гудели самолеты, там, на аэродроме, то и дело возникали огненные кусты взрывов, но грохот их слышался уже отдаленно и был похож на гром уходящей грозы.

– Плохо, Вольдемар, – печально сказал Хорман. – Очень плохо. Немец – это орднунг... порядок. Где порядок? Аэродром – и нет зенитной артиллерии. Нике орднунг. Очень плохо, Вольдемар...

Савушкин, казалось, был так перепуган, что не мог что-нибудь сказать в ответ. Он прекрасно понимал, о чем говорит Хорман. Железнодорожный состав с зенитными батареями, предназначавшийся для охраны аэродрома, словно сквозь земли провалился. Он должен был прийти еще пять дней назад. Одно из двух: или батареи самовольно захватил какой-нибудь военачальник, или этот эшелон обработали партизаны. И в том, и в другом случае Хорман прав: хваленного немецкого порядка в этой истории не было видно.

Они поехали дальше.

На рассвете, когда впереди был уже виден Минск, Хорман сказал, улыбаясь усталым, грязным лицом:

– Мы уехал с аэродром до того, как прилетел Иван. Понял?

Савушкин все понимал.

День он провел в машине Хормана, охраняя его чемоданы. Машина стояла в тени бульварчика возле огромного здания, в котором до войны был Дом офицеров. Хорман исчезал на час-полтора, потом прибежал, общаривал взглядом чемоданы, говорил Савушкину: «Ждем, так надо» и снова убегал.

Когда уже стало смеркаться, он пришел и сообщил:

– Есть новая работа, Вольдемар, все в порядке.

Он рассказал Савушкину, как целый день вокруг него шла, как он выразился, борьба порядка с беспорядком. Дело в том, что новое его назначение состоялось еще три дня назад.

А здешнее начальство пыталось не подчиниться берлинскому приказу, и весь день звонили в Берлин, требуя, чтобы Хормана вернули на восстановление разбитого русскими аэродрома.

– Но тут порядок имел победа, – сказал Хорман. – Аэродром – больше не мой дело.

Ночевали они в гостинице вместе, в одном номере.

– Ты, Вольдемар, держись за мой рука, – сказал Хорман, ставя на стол бутылку своего любимого рома и закуску.

Он опьянел, как всегда, очень скоро и снова впал в дикую меланхолию, молот всякую чушь, но ни слова о том, что больше всего интересовало Савушкина, – о новом своем назначении.

Утром Хорман был бодр и весел. Не завтракая, они упаковали две посылки его жене и свезли их на военную почту. По дороге в гостиницу Хорман засмеялся и сказал:

– Большой город – большой гешефт. Теперь мы с тобой имеем много большой город. Я получал большой пост. Рейх смотрит на Хорман и говорит: «Браво, Хорман!»

Постепенно Савушкин выяснил, что Хорман назначен техническим руководителем строительства оборонных укреплений здесь, в Белоруссии.

– Понимаешь, Вольдемар, как хорошо, – говорил Хорман. – Ты – моя машина, твой документ, и гестапо говорит «пардон». А мой работа такая: надо ехать Гомель, Борисов, Витебск, Минск, а ты там ищешь товар и делаешь свой реализация продукты. Мы будем иметь большой капитал... Понимаешь?

Теперь известна и примерная зона, где будет строиться укрепление. Савушкин отлично понимал, что приближается к большому и важному делу, ради которого можно пойти на все...

Глава 4

К этому времени Кравцов оказался в крайне рискованном положении. Когда еще в Москве разрабатывались планы оперативных действий участников группы Маркова, для Кравцова было определено несколько тем для первого его разговора с гестаповцами, которыми он должен был заинтересовать немцев. Среди других была тема «Работа среди молодежи и подростков, оставшихся на оккупированной территории». Этот козырь и выложил Кравцов во время первой встречи с оберштурмбаннфюрером Клейнером. Клейнер, оказывается, не забыл этого разговора, и, когда операции по изъятию ценностей закончились, он подключил Кравцова к работе среди молодежи и подростков, оставшихся в городе. Этим занималась довольно многочисленная группа гестаповцев, руководил которой сам Клейнер. Поначалу Кравцов не был посвящен в конечные цели этой работы, ему сказали, что задача состоит якобы только в отвлечении молодежи от всяких порочных увлечений, в частности от хулиганства и воровства, которые действительно процветали в городе. Кроме того, Кравцов рассчитывал, участвуя в работе этой группы, вести разведку среди молодежи.

Ребята и понятия не имели, что занимающиеся ею штатские люди – гестаповцы. Они называли себя чиновниками министерства восточных областей. Никакой политики! К ребятам они обращались с невинной просьбой – помочь местной администрации оградить население города от хулиганов и воров. А пятнадцатилетнему подростку даже нравится участвовать в ночном патрулировании по городу и носить на рукаве повязку с надписью «Команда порядка». В эти команды вступило немало молодых парней, и Кравцову не удавалось пока узнать, что делается во всех командах и что представляют собой вступившие туда ребята.

Следующим делом гестаповцев было открытие в городе молодежного клуба. Ответственным за клуб и был назначен Кравцов. Как раз в это время Добрынин закончил свою миссию подставного агента «Сатурна»: как было запроецировано, партизанский отряд «в результате склоки» среди его руководителей распался, и Добрынин остался без работы. Марков, понимая всю сложность положения, в которое попал Кравцов, решил направить в помощь ему Добрынина. Когда тот появился в городе, Кравцов «завербовал» его агентом гестапо и вскоре привлек к работе в молодежном клубе. Сообща они решили, что первая их задача – пользуясь клубом, разведать настроения молодежи. Добрынин предложил для начала провести вечер отдыха молодежи с танцами и играми. Вот когда вдруг пригодилось, что Добрынин в юности работал старшим пионервожатым в летнем пионерском лагере. Представленный Кравцовым план вечера утвердил Клейнер. Он предупредил, что обязательно заедет в клуб, но, так сказать, неофициально.

В субботу клуб молодежи был переполнен. Особенно много народу было в коридоре: там привезенная из офицерского казино радиола играла джазовую музыку. Кравцов толкался среди молодежи, прислушивался к разговорам. Неужели все они были бы здесь, если бы знали, что все это дело рук гестапо? Нет, нет, этого не может быть. С любым из них нужно только поговорить по душам, объяснить... Но кто будет говорить с ними? Кравцов и Добрынин не могут. Первый же паренек поглупее или поболтливей может их провалить...

Приехал Клейнер. Он был в штатском, и ребята не знали, кто этот высокий благообразный человек. Увидев Кравцова, Клейнер сделал ему знак глазами.

Они вышли на улицу и, завернув за угол клуба, остановились.

– Послушайте, это грандиозно, – сказал Клейнер. – Первый вечер – и столько молодежи! Я думал, что во всем городе ее меньше, чем сейчас в клубе. Благодарю вас, господин Коноплев. В следующую субботу организуйте такой же вечер, и я вызову сюда кинохронику. Завтра утром вы мне доложите обо всем, что было на вечере. – Клейнер пожал руку Кравцову и направился к машине.

Когда Кравцов вернулся в клуб, молодежь из коридора перешла в зал, где разыгрывалась викторина с призами. Кравцов сел в самом последнем ряду.

– Внимание, внимание! – кричал со сцены Добрынин. – Задаю второй вопрос. Внимание! Назовите фамилию выдающегося полководца из шести букв. Отвечать быстро, считаю до трех. – Он хлопнул в ладоши. – Раз...

– Чапаев! – крикнул парень, сидевший в последнем ряду, недалеко от Кравцова.

– Чапаев! Чапаев! – раздалось еще несколько неуверенных возгласов.

– Нет, нет, – Добрынин помахал рукой и еще раз хлопнул в ладоши. – Два... Человек, которого знает весь мир! Шесть букв. Ну?!

– Суворов! – послышался тоненький девичий голос.

– Неправильно! Ну-ну! – Добрынин хлопнул в ладоши третий раз. – Три! Мимо. Эх, вы! Гитлер – вот кто!

– У-у! – разочарованно загудел зал.

– Внимание! Внимание! – продолжал Добрынин. – Вопрос третий. Кто такие Минин и Пожарский? За что им установлен памятник в Москве на Красной площади? На размышление даю ровно минуту. – Добрынин посмотрел на часы и отошел в глубь сцены.

«Что он, с ума сошел, что ли?» – думал Кравцов, ругая себя за то, что предварительно не проверил добрынинскую викторину. Но теперь было поздно и ничего сделать было уже нельзя. Вопрос задан. В зале гул. Ребята советуются друг с другом, и вот над рядами поднялась рука.

Добрынин вышел на авансцену:

– Ну, давай, давай!

Паренек в очках, со светлой косматой головой заговорил густым баском, точно отвечал на вопрос учителя в школе:

– Это было в семнадцатом веке. Польские интервенты захватили Россию и Москву. Проживавшие в Нижнем Новгороде, Минин и Пожарский бросили клич – создать народное ополчение для спасения России и Москвы. Они созвали большое войско, повели его на Москву и разгромили поляков. За это им и памятник.

– Правильно! Как тебя зовут?

– Костя.

– Костя имеет пять очков. Идем дальше. Вопрос четвертый...

У Кравцова было ощущение, будто он сидит на mine замедленного действия, которая каждое мгновение может взорваться. Однако дальше по ходу игры он постепенно начал успокаиваться. Добрынин задавал самые разнообразные вопросы, и больше половины из них были связаны с датами, именами и событиями, взятыми из истории Германии. Правда, на эти вопросы почти не отвечали. Но разве в этом виноват организатор игры? А то, что свою историю ребята знают, – это не удивительно, они же учили ее в школах.

К концу игры Кравцов совсем успокоился. Добрынин под дружные аплодисменты вручил приз – плитку шоколада и книгу Гитлера «Майн кампф» – косматому пареньку в очках, который ответил на семь вопросов из десяти.

В коридоре заиграла радиолка, и молодежь хлынула из зала.

Кравцов чуть задержался, чтобы выйти вместе с парнем, который в игре назвал имя Чапаева. Это был коренастый юноша с серьезным и даже сердитым лицом. Он выходил из зала вместе с приятелем. Кравцов пошел вплотную за ними и услышал их разговор.

– Как бы ты не влип со своим ответом, – сказал парню приятель и оглянулся.

– А ты хотел, чтобы я сказал «Гитлер», да? – спросил его парень угрюмо, и тот рассмеялся.

– А вышло здорово, все кричали: «Чапаев! Чапаев!»

Они смешались с толпой. Вскоре к Кравцову протолкался еще разгоряченный игрой Добрынин.

– Ну как? – тихо спросил он.

– Сначала я испугался, – ответил Кравцов. – Но вроде все в порядке.

– Слушай-ка, что я тебе скажу... Тот малец, в очках, книгу Гитлера сунул в урну, и все, кто это видел, засмеялись.

– Узнай, кто этот паренек и где живет, – сказал Кравцов. – Поговори с ним. И еще вот с тем, – Кравцов отыскал в толпе своего соседа по последнему ряду, – вон, видишь, сердитый такой, прическа на пробор?

– Вижу.

– Это он первый назвал Чапаева.

– Ладно. – Добрынин нырнул в толпу танцующих...

Утром Клейнер вызвал к себе Кравцова.

– Ну, как прошел вечер?

В его вопросе Кравцов почувствовал чуть заметную иронию.

– Не совсем так, как хотелось... – ответил Кравцов, думая, что Клейнеру уже доложил о вечере кто-нибудь из его сотрудников. – В этом смысле особенно показательной была проведенная нами викторина. Конечно же, головы молодежи еще замусорены тем, чему их учили в школе, и пропагандой коммунистов. Вообще с этой молодежью надо работать и работать, и это будет нелегкое дело.

Клейнеру ответ Кравцова явно понравился. Возможно, он ждал, что Кравцов начнет расхваливать вечер.

– Да, да, мне об этой викторине рассказывали, – сказал Клейнер. – Эта игра в России популярна?

– Да. И она очень помогает выяснить думы и чаяния играющих. По сути дела, это игра-допрос.

– А что? Неглупо, неглупо. – Клейнер помолчал и сказал: – Я хочу, чтобы вы знали, какие два результата мы ждем от этой затеи с местной молодежью. Подавляющее ее большинство мы должны подготовить к отправке в Германию в качестве рабочей силы. Я уже распорядился, чтобы в вашем клубе регулярно крутили фильмы о жизни Германии и выступали ораторы, умеющие хорошо подать немецкую жизнь. Но одновременно мы должны отобрать для начала, скажем, сотню наиболее надежных, из них мы сделаем специальный отряд, подчиненный гестапо. Вы не видели последнюю кинохронику о Кавказе?

– Нет, – еле слышно ответил Кравцов, потрясенный тем, что он слышит.

– В кинохронике показано, – продолжал Клейнер, – как пойманных партизан расстреливает карательный отряд, составленный из местных жителей. Не случайно почти весь выпуск хроники посвящен эпизоду с расстрелом. Берлин придает огромное значение этому делу, и вы сами понимаете почему. Меньше собак будет повешено на нашу с вами фирму. Мне уже звонил об этом сам Кальтенбруннер. Я думаю, что именно вы и должны взяться за отбор надежных ребят в местный отряд.

– Боюсь, что я с этим не справлюсь, – с опасной поспешностью сказал Кравцов и, помолчав, пояснил: – Все эти ребята мне как русскому доверяются меньше.

Клейнер удивленно посмотрел на Кравцова.

– Не узнаю вас, господин Коноплев! Все наоборот! Из всей нашей группы именно вам легче всего говорить с молодежью. Это подтверждает и вчерашний вечер. Так что прошу вас не хныкать, а поработать так, как следует человеку, который скоро из рук Германии получит орден.

– Я, конечно, буду стараться.

– Я верю в вас, господин Коноплев, – почти торжественно произнес Клейнер.

Весь день Кравцов провел в тревожном смятении, он не знал, как ему теперь поступить. С одной стороны, он прочно влез в гестапо, и его донесения о планах и делах гестаповцев имели

для Маркова огромную ценность. С другой – он должен был теперь стать прямым пособником гестаповцев в их кровавых делах. Способа уклониться от выполнения поручения Клейнера он не находил. «Нужно удирать из города», – эта мысль становилась все более настойчивой.

Вечером Кравцов и Добрынин встретились в домике мичуринца. Добрынин не разделял мрачных мыслей Кравцова; он считал, что они могут найти выход из создавшейся ситуации, однако ничего конкретного пока предложить не смог.

– Все же эти ребята нашенские, – убежденно говорил Добрынин. – Им только шепни, чего от них хотят, они ни в Германию не поедут, ни тем более наниматься в палачи.

Кравцов не мог разделить оптимизма товарища. «Одно из двух, – думал он, – или Добрынин не понимает всей сложности положения, или, дорвавшись наконец до дела, попросту не хочет его бросать».

– Не узнаю тебя, честное слово, не узнаю! – пытался шутить Добрынин. – Куда девалось твое знаменитое недержание решительности?

– Брось шутить, – угрюмо сказал Кравцов.

Ночью они написали подробное донесение Маркову о «создавшемся положении. В донесении излагались оба мнения: кравцовское – об уходе из города и добрынинское – о попытке подрыва изнутри гестаповской работы среди молодежи. Утром Кравцов снес это донесение Бабакину, предупредив его, что дело очень срочное.

На другой день утром Бабакин передал Кравцову ответ Маркова.

«Об оставлении города не может быть и речи: мы, как и прежде, должны знать от вас все о деятельности гестапо. Необходимо сделать все возможное для ликвидации критической ситуации с молодежью. Вместе с Добрыниным выявите из ее среды хотя бы полтора десятка таких, на которых можно положиться, их имена и адреса через известных вам людей передадите подполью. Опираясь на отобранных вами ребят, подпольщики развернут агитационную работу среди всего контингента. Вам же необходимо продумать мероприятия, которые раскрыли бы молодежи и кто ими занимается и что их ждет. Воспользуйтесь тем, что начальство спешит. Им теперь не до тонкостей, и можно действовать более прямолинейно, а это значит, что перед молодежью можно обнажить цели гестапо во всей их гнусности и опасности. Ваши действия не должны противоречить вашему положению. В те мероприятия, которые вы продумаете, обязательно вовлеките гестаповцев, во всем с ними советуйтесь, заручитесь их одобрением, провоцируйте на дачу вам указаний и превращайтесь в исполнителей этих указаний, не несущих в дальнейшем прямой ответственности перед гестапо. Желаю успеха. Привет. Марков».

Кравцов прочитал радиogramму уже на пути в гестапо. Тщательно ее уничтожив, он произвольно замедлил шаг. Однако на обдумывание указаний времени не было. Он уже опаздывал в гестапо, где сегодня, по иронии судьбы, ему должны вручать орден.

Церемония происходила в кабинете Клейнера. Для вручения ордена прибыл представитель армии – полковник с железным крестом на шее. Присутствовали все начальники отделов, корреспонденты, кинооператоры.

Первым говорил Клейнер. Не испытывая ни малейшего смущения, он весьма похвально отзывался о работе руководимого им учреждения. Потом он долго разглагольствовал о гестапо вообще и о его самом трудном месте среди победоносных институтов фюрера. Он выразил сожаление, что не все это понимают, и при этом недвусмысленно посмотрел на армейского полковника.

– Одна из самых трудных задач гестапо в развращенной коммунистами России, – сказал Клейнер, подняв указательный палец, – умение найти поддержку великим целям Германии среди трезво мыслящей части местного населения. И я горжусь тем, что сегодня получает орден за заслуги перед Германией мой русский сотрудник – господин Коноплев. – Он захлопал в ладоши, смотря в объектив стрекочущего киноаппарата. – Хайль Гитлер!

К столу подошел полковник с железным крестом на шее. Он держал открытую синюю коробочку с орденом. Кинооператор крупным планом снял орден.

– Господин Коноплев, прошу вас подойти сюда, – сказал Клейнер.

Кравцов вышел вперед и встал перед полковником.

– Армия поручила мне вручить вам высокую награду, – однотонным, скрипучим голосом заговорил полковник. – Я делаю это с удовольствием. Армия знает о вашем ценном подарке и говорит вам спасибо. Но у армии всякое ее слово – это непременно дело. – Полковник взглянул на Клейнера. – Поэтому и армейское спасибо приобрело материальное выражение в виде этого ордена. Поздравляю вас и хочу верить, что в вашем лице армия приобрела надежного помощника на всем ее трудном пути. – Полковник выбросил вперед правую руку. – Хайль Гитлер! – После этого он пожал Кравцову руку и сам прикрепил орден к его пиджаку. Все аплодировали, аппарат крупным планом снимал Кравцова.

– Вы хотите говорить? – обратился к нему Клейнер.

– Да, несколько слов... – казалось, что Кравцов взволнован до крайности и счастлив. – Мне сейчас неловко перед всеми, кто здесь присутствует. По сравнению с ними я сделал так мало, и вдруг... эта награда. Так позвольте же мне расценивать ее не как награду за сделанное, а как высокий вексель доверия, который мне еще предстоит оплачивать своей работой.

Его выступление понравилось, ему аплодировали.

– Господин Коноплев, – сказал Клейнер, – начал сейчас новое большое дело, и, должен заметить, начал успешно. Я хочу пожелать ему выполнить его так же хорошо, как и предыдущее...

Церемония закончилась. Кинооператоры погасили свои лампы-подсветки. Начальники отделов разошлись. Уехал полковник с железным крестом на шее. Клейнер разговаривал с Кравцовым.

– Вы выступили, Коноплев, не только хорошо, но и очень правильно по смыслу. Вексель, именно вексель, – Клейнер снова поднял свой назидательный палец, – хочу, чтобы вы знали, я все время буду помнить ваше выражение – вексель.

– Я тоже всегда буду его помнить, – улыбнулся Кравцов.

Он прошел в свою комнату, сел к столу и погрузился в глубокое раздумье. Кравцов был действительно взволнован. Еще недавно, узнав о награждении, он думал об этом как о большой своей победе. Ведь если разведчику враг вручает награду – это значит, что работает разведчик хорошо: умно, хитро, не вызывая подозрения. А сейчас он увидел этот орден совсем в другом свете: ведь не будет же враг вручать ему орден только за то, что ему доверяет? И совсем не случайно Клейнер сейчас не вспоминал об операции с ценностями и так напирал на слово «вексель». Ясно, что этой затее с молодежью они придают огромное значение. Значит, сорвать планы гестапо – его святая обязанность. Но как сделать это, не потеряв доверия Клейнера?

И еще одну ночь Кравцов и Добрынин провели без сна...

Глава 5

Тот вечер, который Рудин и Фогель провели вместе, заметно содействовал их сближению. Фогель все чаще обращался к Рудину за различными консультациями, требовавшимися ему по ходу радиопереписки с агентами, и постепенно Рудин стал его главным консультантом. Уже несколько раз посыльный поднимал Рудина с постели, и он шел помогать Фогелю в решении вопросов, возникавших во время ночной радиосвязи. Достаточно осторожный, Фогель делал это не на свой страх и риск, он согласовал это с Зомбахом и даже получил на это согласие Мюллера.

– Я не возражаю, – сказал Мюллер, – только держите его на расстоянии. Ему всего доверять нельзя.

– Вы ему не доверяете? – удивился Фогель.

– Я никому полностью не доверяю, – улыбнулся Мюллер. – Даже себе.

Однако ни Зомбах, ни Мюллер не пошли на то, чтобы освободить Рудина от обязанностей, которые он выполнял вместе с Андросовым, – проводить отбор пленных, и Рудин работал теперь по четырнадцати, а иногда и по шестнадцати часов в день. Уставал страшно, и это его тревожило. Он старался вжиться в этот напряженный режим, ибо знал, что усталость всегда таит в себе опасность совершить ошибку.

Вот и этой ночью Рудина снова разбудил посыльный от Фогеля.

Он посмотрел на часы – половина третьего. Невыспавшийся, с тупой головой, шел он по темным, мертвым улицам, стараясь взбодрить себя надеждой, что сейчас ему удастся узнать что-нибудь важное.

Зал оперативной связи был залит белым светом люминесцентных ламп, Рудин невольно зажмурился.

– Сюда, Крамер, я здесь, – услышал он веселый голос Фогеля и увидел его возле одного из операторов. – С добрым утром, Крамер. Ну и видок у вас! Садитесь сюда, я вас сейчас растормошу. Читайте! – Фогель дал Рудину бланк радиограммы. – Это только что сообщил агент, о котором я вам рассказывал, – мастер беспредметной информации. Как и все агенты, он получил указание искать объект для диверсии, и вы посмотрите, что он придумал.

Рудин прочел:

«По поводу ваших указаний “один плюс два”, предлагаю следующее: я живу в доме, который только узким переулком отделен от большого здания Всесоюзного радиокомитета. Из своего окна вижу там на втором этаже большой кабинет какого-то начальника. Он сидит за столом возле самого окна. Могу свободно его пристрелить. Отвечайте ваше мнение! Марат».

– Что вы на это скажете? – спросил Фогель. Рудин лихорадочно обдумывал ответ – усталости как не бывало.

– Он по характеру не фантазер, этот ваш Марат? – спросил Рудин.

– Немного есть.

– А если в кабинете сидит просто бухгалтер. Стоит ли такая цель жизни агента? Ведь после выстрела агента наверняка найдут.

– Я тоже так думаю, – согласился Фогель.

– Мне кажется, – сказал Рудин, – что можно произвести диверсию, более чувствительную для противника, например, взорвать этот радиодом. Раз агент живет рядом, ему нетрудно это сделать.

– Не тот человек, – сказал Фогель.

– Тогда надо ему подсказать, как это сделать.

– Уйдет время, а Мюллер на затяжку не согласится. Вы представляете, как Мюллер схватился за это предложение! Его ведь не переубедишь, и мы потеряем агента. А у него, оказы-

вается, такая замечательная позиция – рядом радиодом. Да будь он настоящим разведчиком, он бы уже имел десяток хорошо знакомых чиновников из радио. А в руках у этих чиновников ценнейшая информация. Но – увы! – Марату такое не по силам.

– Мое мнение – лучше взорвать здание, – повторил Рудин. – Смерть какого-то радиона-
чальника коммунисты могут попросту скрыть, а тут в центре Москвы вдруг раздается взрыв.
И где? Радиолой. Даже, если не удастся дом сильно повредить, об этом заговорит вся Москва.
Моральный эффект будет колоссальный... – Настаивая на своем предложении, Рудин знал, что
Старков будет осведомлен им об этом гораздо раньше, чем раскачается на действие сатурнов-
ский Марат. И найти его особого труда не составит.

Фогель подумал и сказал:

– Да, да, вы правы. – Он пододвинул к себе тетрадь и начал писать ответ агенту.

– Я попробую уговорить Мюллера, – закончив писать, сказал Фогель и, не показав Рудину
свой ответ, передал тетрадку оператору.

Рудин решил разозлиться. В самом деле, зачем Фогелю понадобилась консультация по
этому эпизоду? Здесь же вовсе не требовалось знание советских условий!

– Все? – холодно спросил Рудин.

– Нет, Крамер, не все, – серьезно и многозначительно сказал Фогель. – Не допустить
самоубийства своего Марата я мог бы и без вашей консультации. Есть дело, где нужен ваш
совет. – Он вынул из папки бланк радиограммы. – Дело такое. Один наш агент оседлал вашего
Льва Толстого. Да, да, не удивляйтесь. Он базируется под Тулой, в местечке Ясная Поляна, где
некогда жил Толстой. Вы знаете?

– Конечно. Там музей.

– Музей нас не интересует. Главная задача агента – железная дорога и станция. Но бази-
руется агент в поселке при музее, там он живет и работает. Это место полтора месяца было в
наших руках, потом мы оттуда ушли. А спустя примерно месяц, то есть в начале этого года, мы
через линию фронта просунули туда агента. Он устроился рабочим по восстановлению музея
и, судя по некоторым признакам, осел там очень прочно. На фронте он потерял глаз, у него и
кличка теперь по этой примете – Циклоп. Положение инвалида, освобожденного от военной
службы, и очень хорошие наши документы делают его неуязвимым. – Но – увы – на этом его
плюсы заканчиваются и начинаются минусы, из которых главный – отсутствие необходимой
разведчику сообразительности. – Фогель рассмеялся. – Остальные минусы можно и не пере-
числять. Мне приходится по радио водить его за руку, как рахитичного ребенка. Однако кое-
что он все-таки делает. Месяц я добивался, чтобы он присмотрел кого-нибудь для вербовки в
помощь себе. Наталкивал его на работников железной дороги. И вот наконец он сообщает, что
объект для вербовки найден. – Фогель заглянул в радиограмму. – Прораб ремонтно-восстано-
вительного поезда. Что это такое? Прораб?

– Это сокращение слов: производитель работ.

– То есть, проще говоря, рабочий?

– Нет. Он над рабочими, он непосредственный руководитель работами.

– О! – удивленно сказал Фогель. – Смотри, кого увидел наш одноглазый! В общем, фигура
стоит того, чтобы на нее тратить деньги?

– Вполне.

– Спасибо, Крамер. И теперь вы можете идти досыпать. Извините, но, видите, вы мне
действительно были нужны.

– Я измотан до крайности, – грустно сказал Рудин. – Начальство думает, очевидно, что
я двуличный. Еще месяц такой работы, и я свалюсь, честное слово.

Фогель сочувственно посмотрел на него и сказал:

– Я поговорю об этом с Зомбахом. Спокойной ночи.

– Спасибо.

Возвращаясь к себе, Рудин не чувствовал ни малейшей усталости. Придя домой, он написал донесение Маркову.

«Сообщаю данные о двух агентах. Первый – в Москве. Кличка – Марат. Этим именем подписывает радиодонесения. Живет у родственников в доме, отделенном узким переулком от здания Всесоюзного радиокомитета. Из своего окна видит там на втором этаже большой кабинет, обладатель которого сидит у окна. Агент предлагал покушение на обладателя кабинета. Решили, что эффективнее взрыв здания.

Второй находится в Ясной Поляне. Работает на восстановлении музея. Кличка – Циклоп, он с одним глазом. В настоящее время пытается вербовать прораба ремонтно-восстановительного поезда. Привет. Рудин».

В одиннадцать тридцать утра эта шифровка была у Бабакина. В двенадцать десять ее уже читал Марков. В двенадцать пятьдесят в Москве ее положили на стол Старкову. В тринадцать тридцать две бригады оперативных работников уже занялись розысками Марата и Циклопа. Надо было взять их под наблюдение.

Весь день у Рудина было приподнятое, веселое настроение. Даже возня с пленными не показалась ему тягостной, хотя перед ним, как на подбор, проходили скользкие, омерзительные личности, готовые за чечевичную похлебку на все. На все, но не на то, чтобы стать квалифицированными агентами абвера. Рудину стало даже смешно при мысли, что его товарищи там, в Москве, могут обидеться на него за то, что им приходится иметь дело с этим дерьмом. Нет, нет, господа, как угодно громко и цветисто называйте свои усилия – тотальный заброс, насыщение советского пространства гнездами абвера, – все равно главным вашим контингентом были и будут вот эти подонки, не имеющие ничего общего с нашим народом. А их руками многого вам не сделать...

Вечером Рудин пошел ужинать. И как только вышел на улицу, к нему ни с того ни с сего прицепился смешной и глуповатый мотивчик на слова «...что без воды и ни туды и ни сюды». Впрочем, не так уж ни с того ни с сего: они с женой распевали эту песенку в прошлом году на даче. Это была первая их дача. Не имея опыта, они сняли тесный и жаркий верх. За водой приходилось ходить к колонке почти за километр. Если жена запевала: «Без воды и ни туды и ни сюды», – это означало, что Рудину надо брать ведра и идти по воду. Но все это они принимали легко. Жизнь казалась такой прекрасной и безмятежной!

Так прошло около недели.

В ночь на то черное воскресенье на дачу примчался мотоциклист. Через пять минут Рудин уже трясся в его коляске, и уже не было ничего: ни лета, ни дачи, ни веселой песенки про воду. Ничего. Была только война.

«Ничего, Еленка, потерпи, – думал Рудин, шагая по сумеречной безлюдной улице, – управимся с этой бандой и заживем спокойно. Будет и дача, и Черное море – все, что ты захочешь».

Он попытался представить себе жену – одну, где-то в далеких чужих местах – и не смог. Она виделась ему такой, какой была всегда – веселой, не умеющей хмуриться, с вечно улыбающимися ямочками на щеках. Свесится с верхней веранды и кричит: «Сюды, товарищ, сюды...» Рудин легко шагал в ритм этой смешной песенки.

В столовую он чуть не опоздал. Все уже поужинали, и дежурный курсант собирался запирать дверь. Верхний свет был погашен, и комнату освещала только лампочка, висевшая возле окна в кухню. Рудин сел за первый попавшийся столик и вдруг обнаружил, что в дальнем углу ужинает еще один опоздавший. Это был Щукин. Решение созрело мгновенно. Рудин встал и подошел к его столу.

– Разрешите?

Щукин молча кивнул головой.

– Тоскливо ужинать в полумраке, да еще в одиночку.

Щукин молча продолжал есть суп.

– Вчера ходил в город. Прошел по улицам, заглянул в парк, – начал рассказывать Рудин, чтобы завязать разговор. – И за всю прогулку встретил только одного человека. Так странно: идешь по большому городу – и нигде ни единой живой души. Окна в домах темные, слепые. А тишина, как в деревне. Был какой-то момент, когда я непроизвольно остановился и спросил себя: «Неужели я вижу все это не во сне?» У вас никогда не было такого странного чувства?

– Нет, – чуть задержав перед ртом ложку, не глядя на Рудина, буркнул Щукин.

Рудин улыбнулся.

– Как-то в детстве, в городе Энгельсе, мы, ребяташки, днем, пробрались в местный театр. Темно, тишина – страшно. Мы пролезли на сцену. И вдруг видим улицу, настоящую улицу, а на ней – никого. Стоим, смотрим – может, кто появится или хотя бы кошка перебежит через дорогу. Никого. Страшно стало, жуть – мертвая улица. – Рудин помолчал. – Вчера вдруг вспомнилось это... из детства... мертвая улица.

Щукин поднял на Рудина глаза и тотчас опустил.

– Не понимаю, – сказал он, не прерывая еды. – Вы что ждали-то увидеть? Толпы гуляющих? Духовой оркестр? Фейерверк? И дам, бросающих в воздух чепчики? А если нет, то каков смысл поднятого вами разговора?

Не дожидаясь ответа, Щукин встал и, не прощаясь, направился к выходу. Хлопнула дверь. Тишина. Только на кухне кто-то по-домашнему погромыхивал посудой.

На лбу у Рудина проступила холодная испарина. «Черт! Возрадовался удаче и повел себя, как мальчишка. Впал в детство, идиот! Зная, что собой представляет Щукин, полез к нему с разговором, который, конечно же, вызвал у него подозрение. Совершил ошибку!» Эта мысль становилась все тревожнее. Хорошего настроения как не бывало.

Глава 6

Говоря Савушкину о новом своем назначении, Хорман немного прихвастнул, – он не стал главным техническим руководителем строительства оборонных сооружений, объединенных условным названием «Серый пояс». Он отвечал за все бетонные работы. Но и это было большим делом, если учесть, что «Серый пояс» включал в себя несколько десятков объектов и все они должны были строиться под землей и бетонироваться. «Серый пояс» был наглухо засекречен даже от самих немцев, особенно от людей армии. Еще бы! Не хватало, чтобы армия, которую держат в уверенности, что в самом скором времени начнется запланированное фюрером генеральное победоносное наступление, узнала, что далеко за ее спиной строится полоса долговременных мощных укреплений!

Хорман сказал Савушкину:

– Не один человек не один слово не скажи о моей работе. Тогда – смерть.

– Ваша работа интересует меня, как прошлогодний снег, – небрежно ответил Савушкин.

Хорман понял это выражение не сразу, а когда понял, захохотал.

– Прекрасный формул! Очень прекрасный!

Хорман сдержал свое обещание. Савушкин был официально назначен к нему вторым шофером и переводчиком для связи с занятыми на работах русскими военнопленными. Савушкин уже давно говорил, что хочет научиться говорить по-немецки. Хорман вначале смеялся над тем, как он калечит немецкий язык, но вскоре ему пришлось удивиться быстрым успехам своего шофера. А Савушкину, хорошо знавшему немецкий язык, совсем не легко было его калечить и разыгрывать начинающего.

К этому времени Савушкин вручил Хорману еще одну партию ценностей, которые тот немедленно переправил жене в Германию и потом получил от нее письмо, в котором она сообщила, что его «посылки имели грандиозный успех» и что «дом Гаузнеров скоро станет нашим». Хорман пояснил, что их давнишней семейной мечтой была покупка дома у генеральской вдовы Гаузнер.

– Я тебя прошу... очень прошу, – оказал умоляюще Хорман. – Давай еще. Больше давай. Твоя работа шофер – тьфу!

– Это нелегко, – вздохнул Савушкин. – Товар надо искать по всем близлежащим городам.

– Ищи! Ищи! Я же тебе дал документ, я же тебе дал машина. Ты только ищи.

Связь Савушкина с Марковым осуществлялась через подпольщика Никанора Решетова, который жил и работал полицаем в деревне недалеко от Гомеля. Положение его было довольно прочным. Перед самой войной его судили по действовавшему тогда закону о расхищении социалистической собственности. Лесник поймал его, когда он пытался вывезти из леса сломанную бурей березу. Никанор Решетов получил два года тюремного заключения, но не прошло и года – началась война. Сидел он в минской тюрьме. В первые дни войны, когда началась эвакуация заключенных, его отпустили, и он вернулся домой. Тюрьма с советской властью его не пощорила. Он и на суде, когда дали ему последнее слово, сказал:

– По глупости я ту березу взял, а вы по слепому закону меня судите. Не просить же вас, чтобы вы мимо закона шли, все равно ведь не пойдете. Так что уж пишите там, что положено...

Еще первым военным летом Никанор Решетов связался с партизанами и по их приказу пошел в полицаи. Учитывая, что он пострадал от советской власти, немцы ему доверяли и сделали его старшим над полицаями трех окрестных деревень. Нелегкое у него было положение: каждый день ему приходилось хитро лавировать и всячески изворачиваться, чтобы подчиненные ему полицаи не проявляли себя чересчур рьяными служаками «нового порядка» и чтобы немцы при этом не заподозрили неладное. Пока что это ему удавалось... Между прочим, одним из подчиненных ему полицаяев оказался тот самый лесник, из-за которого он попал в тюрьму.

Связь Савушкина с Решетовым осуществлялась по расписанию, почти исключавшему возможность проследить место и регулярность их встреч. Их свидания происходили в разные дни, в разное время и в разных местах.

Сегодня их встреча должна была произойти в восемь часов вечера на окраине леса, где стояла деревянная часовенка, когда-то популярная среди паломников, под названием Возвратная. Чудотворная ее икона будто бы возвращала угнанных на царскую службу солдат, сосланных в далекие места, уехавших на заработки, и даже беглых мужей.

После обеда Савушкин сказал Хорману, что ему надо съездить повидать одного полезного человечка, и покатиł поближе к тому месту, где должна была состояться его встреча с Решетовым. Он имел теперь в своем распоряжении старенький мотоцикл БМВ, который достал для него Хорман.

День был светлый, просторный и нежаркий, хотя ослепительное солнце гуляло в безоблачном небе. Однако же это было еще не лето, а та пора, когда реки уже улеглись в берега, но в заливных поймах сквозь нежную зелень еще поблескивает оставшаяся после разлива вода, когда под вечер от всей земли веет прохладой, сыростью, когда кроны деревьев и кустарники еще не стали плотным зеленым массивом и сквозь них проглядывают дали.

Километрах в двух от Возвратной Савушкин поставил мотоцикл в кусты, пешком прошел до часовенки и там, сев на пенек, стал писать донесение. Вокруг – немые просторы словно забытой людьми земли. Место это было вдалеке от бойких дорог, и немцы здесь появлялись редко. Зато все смелее чувствовали себя партизаны. Видная Савушкину вдали рассыпанная на горюшке деревня была одним из опорных пунктов партизан. Там они имели несколько надежных помощников, включая Решетова. Впрочем, о том, что полицей там «свой», знал только командир партизанского отряда, но даже он не мог прибегнуть к помощи Решетова без разрешения подпольного райкома партии.

Написав донесение, в котором уточнялись районы строительства «Серого пояса», Савушкин задумался. Все-таки и это его донесение точной схемы бетонированных узлов еще не давало. Яснее стала только та полоса пространства, которую немцы называли «Серым поясом», но длина пояса была свыше ста пятидесяти километров, а ширина доходила до двадцати. Где точно на этой полосе спрячутся в землю бетонные крепости, Савушкин пока не знал и не был уверен, что ему удастся узнать это в будущем.

Спрятав донесение под корень пня, Савушкин постелил куртку и прилег. Солнце уже спускалось к далекому горизонту.

Он проснулся с неясным ощущением, что его разбудили. Приподнявшись, огляделся – никого... Верхний край солнца лежал на горизонте огненной шапкой. Из лесу веяло холодом, и по-прежнему все широкое вокруг пространство было затоплено тишиной. Но тревога, с которой он очнулся от короткого сна, не проходила. Вдруг он заметил какое-то шевеление за углом часовенки. Савушкин встал и медленно пошел к дороге, так, чтобы пройти мимо часовни. Сделав два-три шага, он увидел, что за кустом, приросшим к стене Возвратной, стоит паренек, который по мере приближения Савушкина осторожно переступал влево, видимо, рассчитывая все время оставаться прикрытым кустом. Савушкин ускорил шаг, и парень не успел спрятаться.

– Ты что тут делаешь? – крикнул Савушкин, продолжая идти.

– А ты что делаешь? – в свою очередь, сиплым баском спросил парень. Ему было лет шестнадцать, не больше. Паренек запустил руку за борт перехваченного ремнем пиджака.

– Не дури! Вынь руку, – спокойно сказал Савушкин и подошел к нему вплотную.

Парень медленно вынул руку и сделал шаг назад.

Савушкин смотрел на него спокойно и дружелюбно, а паренек с испугом в чуть сдвинутых косинкой глазах.

– Да не бойся, не бойся. Скажи-ка лучше, вон в той деревне немцы есть? – спросил Савушкин.

– Нет, – тихо ответил паренек и, спохватившись, поправился: – А может, и есть, не знаю.

– Сам откуда?

– Тутушный, – паренек неопределенно повел головой в сторону.

– Ну вот, а я нетутушный, пробираюсь домой в Минск, боюсь, как бы немцы не задержали.

– Давеча на дороге не ты на мотоцикле ехал? – спросил паренек.

– Нет. Я тоже видел его.

– А откуда идешь?

– Бежал я с земляных работ у немцев.

– А-а... Это не вас давеча в Смоленск гнали?

– Нет. Нас еще в апреле мобилизовали.

Они присели рядом на мшистых купинках и понемногу разговорились.

– Весь народ с места погоняли, всю жизнь покалечили, – серьезно, как взрослый, сказал паренек. – Никто теперь не знает, где его дом.

– Ты учился?

– А как же, семь классов кончил. В этом году собирался в техникум, ждал, когда братеньник из армии вернется, да не дождался.

– Кем же ты хотел стать?

– Фельдшером.

– А кем стал теперь?

Паренек исподлобья посмотрел на Савушкина.

– Никем. Ловчу, как бы прожить, и все тут.

– Врешь.

– Ей-богу, правду говорю!

– Врешь, – рассмеялся Савушкин.

– Не, не вру, – упрямо сказал паренек, а сам улыбнулся.

– Эх ты, конспиратор! Как звать-то?

– Алексей.

Савушкин спросил, как ему поближе выйти на Оршу; Алексей начал объяснять, вдруг умолк на полуслове и стал смотреть в сторону деревни.

– Что ты там разглядел? – спросил Савушкин.

– Тихо! – приказал паренек, продолжая смотреть в сторону деревни. – Так и есть, полицей на велосипеде катит. Ну, бывай здоров, мне надо тикать.

Паренек вскочил и, пригнувшись, побежал по кустам в лес.

Да, это ехал Никанор Решетов, направляясь на свидание с Савушкиным.

Велосипедист приближался. Савушкин уже видел точно, что это Решетов, видел болтавшийся у него на груди автомат. «Как же теперь быть? Парень ведь где-то поблизости...»

Савушкин встал, выбежал на дорогу и зашагал навстречу велосипедисту. Было видно, что Решетов его заметил. Он перестал крутить педали и медленно ехал, смотря по сторонам.

Они сошлись возле мостика, Решетов соскочил с велосипеда.

– Что случилось?

– Ничего страшного... – Савушкин рассказал с пареньке.

Решетов усмехнулся в желтые, прокуренные усы:

– Не косит он малость?

– Косит.

– Значит, Лешка Мухин – партизанский разведчик. Этот босяк мне стоит нервов. Он уже не раз предлагал командиру отряда ликвидировать меня. Тот запрещает, а почему – объяснить не может. – Решетов посмотрел в сторону леса. – Вот черт окаянный, ведь он где-нибудь тут прячется. Что же делать? – Он подумал и сказал: – Придется сделать так: я тебя задержал и веду к деревне Зыково, вон туда, а по дороге поговорим. Пошли.

Савушкин сходил за донесением и передал его Решетову. Разговаривать им, собственно, было не о чем, они могли уже и расстаться, но Савушкин видел, что Решетов чем-то удручен.

– Пройдемся все же, – сказал Решетов. – На случай, если Лешка за нами наблюдает.

И они пошли прямо через поле, удаляясь от леса. Савушкин шел на шаг впереди, как полагалось идти человеку, которого ведет полицей.

– Ты мою довоенную историю с лесником знаешь? – спросил Решетов.

– Знаю.

– А теперь так закрутилась у меня с ним веревочка, что не знаю, как ее и раскрутить. Свела нас судьба опять. Он, значит, полицей и подо мной ходит. Я думал, раз он был при советской власти такой законник, что за дохлую березку упек меня в тюрьму, значит, душа у него советская. А оказался сволочь из сволочей. Рвется, как волк, людей наших губить. Что ни день, приходит ко мне с доносом. Ведь он, гад, многое знает про всех в этой округе. Старается, понимаешь, и при этом все напоминает мне про березу и свое старание объясняет так, будто он хочет мне услужить и получить от меня прощение. В общем, по всем статьям надо его казнить к чертовой бабushке, а как это сделать, ума не приложу.

– Пристрелить с глаз на глаз, и делу конец, – сказал Савушкин.

– Командир отряда тоже такого мнения, но я против. Получается, вроде я отомщу ему, что он советские законы сохранял.

Савушкин удивленно взглянул на Решетова и сказал:

– Так пусть его казнят партизаны.

– Они месяц уже как охотятся на него, так он от них, как солнце от луны, ховается. Ну, никак они его защучить не могут. В том-то и дело. Я думал, что ты его приголубишь, гада, а я тебе его, куда надо, приведу.

– Мне нельзя, – сказал Савушкин. – Мне начисто запрещено лезть в такие дела, а то я бы с удовольствием.

Некоторое время они шли молча.

– Ладно, давай расходиться... – вдруг сказал Решетов, остановившись. Он тяжело вздохнул. – Придется мне казнить его самому. Против души пойти. Другого способа, видно, не сыщешь. Ты свидетель, что мести за березу я не хотел, не думал даже. Ладно, так тому и быть. Ну, всего!

Было уже темно, когда Савушкин на мотоцикле возвращался обратно. Всю дорогу он не мог отделаться от мыслей о своем связном. Золотой, честный человек! И как свято такие люди берегут свою чистоту в том аду, где им приходится теперь жить!..

Глава 7

Несмотря на то, что теперь добрую половину связи Марков осуществлял не по радио, работы у Гали Громовой не убавилось. Наоборот. Сама не выходя в эфир, она должна была по десять-двенадцать часов в сутки слушать другие рации, принимать и записывать радиogramмы, адресуемые Маркову. А когда надо было по расписанию, сама выходила в эфир. Для этого она с передатчиком уходила каждый раз на новое резервное место, а самое ближайшее из них было в семи километрах от базы. Бывали дни, и иногда подряд, когда поспать она могла урывками и не больше двух-трех часов. Марков видел, как она похудела, как обострились черты ее лица, понимал, что надо дать ей передышку, и даже подумывал о вызове второго радиста. Но если бы он сказал об этом Гале, она бы страшно обиделась и расценила это как обвинение ее в том, что она не справляется с обязанностями. И Марков до поры до времени молчал, стараясь только по возможности облегчить ей работу.

Но никто не знал, что именно эта сумасшедшая работа помогала Гале легко переносить душевную боль, занозой сидевшую в ее сердце. Для Маркова ее биография была короткой и ясной, как простейшая справка о том, что человек родился и дожил до девятнадцати лет. Никому и в голову не приходило, что эта суровая, неразговорчивая молодая девушка успела пережить личную драму. Но в анкетах нет графы «Переживания», и потому никто о настроении Гали не знал...

Еще в восьмом классе школы у нее началась неловкая и смешная для других дружба с белоголовым пареньком, которого звали Лешка. Прошло немного времени, и уже никто из одноклассников не смеялся над их дружбой. Бдительные педагоги начали тревожиться. Девчонки завидовали Гале, шептались: «У них настоящая любовь». Чистота их дружбы, а потом и любви была так ясна всем, что никто не решился поднять голос против их отношений. Родители Гали, однажды информированные по телефону неизвестным доброжелателем о романе их дочери, сначала встревожились, но, узнав Лешу и еще лучше зная свою Галю, успокоились. Леша стал бывать у них дома. Своим родителям Леша ничего не говорил потому, что отец у него был неродной и жили они с матерью не очень дружно. Он боялся, что его признание станет еще одним поводом для их ссоры. Галя это понимала, но все же ее тяготило, что Леша не мог быть во всем честным до конца.

Когда кончали девятый класс, они уже, не стесняясь, говорили друзьям: «Мы всегда будем вместе». Собственно, только это и было ясно для них самих. А как сложится их дальнейшая жизнь, будут они учиться дальше или станут работать, об этом они говорили редко. «Не люблю попусту фантазировать», – беспечно заявляла Галя, но, пожалуй, один только Леша знал, что стояло за этим ее нежеланием мечтать о будущем.

Отец Гали был известным летчиком, в прошлом участником Гражданской войны, где он и познакомился с матерью Гали – тогда санитаркой авиаотряда. Они души не чаяли в своей единственной дочери, но не баловали ее. С самого раннего детства Галя обожала слушать не сказки, а рассказы отца о Гражданской войне, позже – прибавились рассказы о схватках на Халхин-Голе. И каждый раз отец, заканчивая рассказ, говорил: «Знай, Галчонок, на том войны не кончились, хватит их и на твой век. Родиться бы тебе мальчишкой...» Отец чмокал ее, она отмахивалась совсем как мальчишка, и он смотрел на нее, пока она не засыпала. Ее любимым развлечением были мальчишеские игры в войну, стрелы, ружья, шашки. «Разбойник какой-то, а не девчонка», – говорили соседи.

Нет ничего неожиданного в том, что Галя, еще учась в школе, поступила на воензированные курсы и к окончанию школы стала парашютисткой и радисткой. Дома все упорнее и все тревожнее говорили о неминуемой войне. А Леша, ее единственный и самый лучший в мире Леша, этого не понимал. Когда она рассказала ему о своем решении поступить на воени-

зированные курсы, он высмеял ее, умоляя бросить хотя бы парашютный спорт. Она отвечала ему: «Нет, если начнется война, я не хочу остаться в стороне только потому, что я девчонка». Однажды, когда Гали не было дома, Леша пришел к ее отцу, думая, что он не знает о причинах дочери. Но он ошибся: отец поддержал Галя. Галя долго удивлялась потом, почему Леша больше над ней не смеялся.

Восьмого марта сорок первого года, когда они учились уже в десятом классе, в школе состоялся вечер. На афише было написано: «Праздник для наших девчат». Организаторами вечера были только ребята.

Очень хорошо говорил, открывая вечер, Леша. И, хотя он выступал по бумажке, чувствовалось, что говорит от души и волнуется. Он рассказывал о своих воображаемых встречах с одноклассниками через десять лет. Рассказывал, кем они стали, как выглядели, как разговаривали. Все было и смешно, и трогательно. Леша сказал почти обо всех. О Гале – ни слова. Сначала она обиделась, а потом подумала: «Со мной у него такой неожиданной встречи не могло произойти, потому что мы с ним будем все время вместе...»

После вечера они бродили по весенней Москве, медленно шли по маршруту, который у них назывался «пушкинским». Он проходил через площадь Пушкина, потом по Пушкинской улице, мимо музея имени Пушкина и наконец по Арбату, мимо скромного старого дома, где некогда жил поэт.

– Ты очень хорошо говорил сегодня, – сказала Галя, сжимая Лешину горячую руку. – Одна Нинка Зимина обиделась, что ты изобразил ее растолстевшей женой полковника. Конечно, нам открыты все дороги, но какая судьба ждет каждого из нас, никто не знает.

Леша усмехнулся.

– А Витька Субботин сказал, что эта моя мысль – политически неправильная. Мол, что бы ни было, у всех нас счастливая судьба, ведь мы живем в стране социализма.

– Он думает, что у нас нет несчастливых людей? – спросила Галя.

– А кто его знает...

Галя украдкой посматривала на строгий Лешин профиль, над которым так неуместно торчал легкомысленный белесый чуб, выбившийся из-под лыжной шапки. Она подумала: «И весь он такой: умное, строгое в нем всегда рядом с легкомысленным, и никогда не знаешь, каким он будет через минуту». Только в том, что касалось их дружбы, их любви, Галя верила: он неизменно серьезен и чист в каждой своей мысли, в каждом поступке.

– Лешик, почему ты ничего не сказал в своей речи обо мне?

Он рассмеялся.

– У меня было и про тебя. Что встретил я тебя в форме комбрига, но что, мол, поскольку такой случай нетипичен, больше я ничего сказать об этой военной женщине не могу. В последнюю минуту передумал – решил, что ты обидишься.

– Вот уж несколько... – засмеялась Галя. – А правда, Лешик, разве наша с тобой судьба тоже неизвестна?

– Абсолютно! – ответил он. – Что мы знаем? Только то, что мы, что бы ни случилось, будем вместе, то есть что наше личное счастье всегда будет с нами. Но это же еще не все?

– Но это и немало? – тоже спросила Галя.

– Ну а если война? – спросил Леша.

Галя удивленно посмотрела на него: до этого он никогда первый эту тему не затрагивал.

– Ты же сама научилась прыгать с парашютом, – продолжал Леша. – Скоро станешь радисткой, и ты понимаешь, что, когда война, человек себе не хозяин. Тебя пошлют в одно место, меня – в другое, и что с каждым из нас может там случиться, не знает даже товарищ Ворошилов.

– Мы можем попросить, чтобы нас послали вместе, – не очень уверенно сказала Галя.

– Не смей меня, Галка. Война – это не туристский поход.

– Я буду писать тебе каждый, каждый день, – тихо сказала Галя. – А ты?

– Три раза в день, – так же тихо ответил он.

Когда они прошли половину Арбата, Галя сказала:

– Отец вчера говорил, что все войны до этого – только чепуховые репетиции. А теперь у наших дверей стоит главная война...

– Кошке всегда мыши снятся, – рассмеялся Леша.

– Не надо, Леша. Я во всем верю отцу.

– Извини...

И опять они шли молча. И каждый раз так: стоит им заговорить о войне, и сразу они не понимают друг друга, как будто говорят про разное.

– А вот и наш дом! – радостно произнес Леша. Они остановились перед дверью, возле которой была укреплена мемориальная доска «Здесь жил Пушкин». Галя вдруг спросила:

– Скажи, Лешик, а ты мог бы, если бы тебя оскорбили, драться на дуэли?

– По-моему, дуэль – самый глупый способ выяснять отношения, – с улыбкой глядя на нее, ответил он. – Преждевременная смерть Пушкина – лучшее тому подтверждение.

– Я не про то, не про то, Лешик. Мог или не мог? – Она смотрела ему прямо в глаза.

– Галка, не задавай глупые вопросы!

– Почему ты сердишься? Ведь так просто ответить: мог или не мог?

Он так и не ответил. Она обиделась, смолчала. И, хотя уже на другой день они об этом разговоре словно забыли и все было как раньше, Галю втайне угнетало неясное подозрение, что Леша все-таки не совсем такой, каким она видела его в своем воображении.

В то роковое воскресенье, когда по радио объявили о начавшейся войне, первым позвонил Леша.

– Ты слушаешь радио? – спросил он.

– Да, – ответила Галя и замолчала. Она ничего не могла сказать: за несколько минут до Лешиного звонка отец ушел из дому, ушел на войну. Он поцеловал ее и сказал: «Ты, Галчонок, сама знаешь, что тебе делать. Только раньше съезди к маме на дачу и скажи ей, чтобы она ехала к Вере в Омск. Одной ей в Москве будет тяжело». И ушел. У подъезда уже нетерпеливо сигналила присланная за ним машина.

– Галя, ты меня слышишь? – тревожно спросил Леша.

– Да.

– Что ты собираешься делать?

– Ты же знаешь, что я буду делать. Но сейчас я должна ехать к маме на дачу.

На дачу в Малаховку они поехали вместе. Всю дорогу больше молчали, – о чем ни заговорят, все Гале кажется, что сейчас говорить об этом неуместно. С удивлением и невольным страхом смотрели они, как мгновенно изменился облик их родного города и его людей.

Мама уже уехала в Москву – они разминулись. Когда возвращались обратно, Галя спросила просто и даже небрежно:

– Когда ты пойдешь в военкомат?

– Завтра. Сегодня же воскресенье.

Весь понедельник Галя провела в беготне по городу: она оформлялась радисткой в авиацию. Во вторник она несколько раз звонила Леше, но никто к телефону не подходил. В среду не выдержала и пошла к нему домой. В дверях квартиры столкнулась с его отчимом.

– Леша дома? – спросила она.

– Леша? – Лешин отчим удивленно смотрел на нее. – Зачем вам Леша?

– Он мне очень нужен! Очень!

Он как-то странно улыбнулся и сказал:

– Вы, голубушка, опоздали. Вчера вечером я отправил его с матерью к своим родственникам.

– Куда? – почти шепотом спросила Галя.

Он неопределенно повел рукой.

– Далеко, голубушка, очень далеко. Можете за него не беспокоиться.

– А в военкомат он не ходил?

– А это еще зачем? Словом, голубушка, все это улажено, и он уехал. Извините, я тороплюсь.

Цокая подкованными штиблетами, помахивая портфелем, он стал спускаться по лестнице.

В эту минуту Леша не стало. Она просто не могла думать о нем. От всего, что было когда-то Лешей, их дружбой, их любовью, осталась только непроходящая боль в сердце. Она запретила себе думать о нем. Но разве послушается тебя сердце?

Вместо авиации Галю направили в госбезопасность, и вскоре она была включена в оперативную группу Маркова. Беседовавшие с ней Марков и Старков увидели в ней волевою, смелую дивчину, которая ни о чем, кроме предстоящей ей боевой работы, и думать не хочет. Такой ее увидели потом и все участники группы.

Здесь, в тылу врага, находясь среди людей, для которых трусость была попросту непостижимым состоянием души, Галя еще более беспощадно оценивала поступок Леша. Она завидовала женщинам и девушкам, которые были женами или любимыми ее товарищей по оружию.

Как-то Рудин сказал ей, что его жена эвакуирована в Среднюю Азию.

– Она у вас хорошая? – сердито спросила Галя.

Рудин рассмеялся.

– Самая лучшая из лучших!

Больше всего Галя думала о Рудине. Может быть, это происходило потому, что ему выпало, как ей казалось, наиболее трудное и рискованное дело. Самое сильное впечатление на нее произвело то, как он простился с ней, уходя в операцию. Спросил смеясь: «Моих радиogramм исказить не будешь?.. Паинькой будешь?..» – весело помахал рукой, нахлобучил кепку и ушел. Ушел почти на верную смерть. «Вот как ведут себя настоящие герои», – думала она. С этой минуты ее преклонение перед Рудиным стало еще и тревогой за него.

В последнее время у Гали завязалась нежная дружба с маленьким адъютантом Маркова, Колей. Она учила его радиodelу, и ее смешило, когда он, надев на голову наушники, делал испуганное лицо. Коле еще не было шестнадцати лет. «Стукнет в сентябре», – неохотно говорил он. И хотя Галя была старше его всего на два года, она относилась к нему со снисходительностью взрослой и с заботливой нежностью старшей сестры. Следила, чтобы он регулярно мылся, чего он страшно не любил делать, и на каждое ее напоминание об этом по-мальчишески обижался. Она оставляла ему пайковые сладости, которые он сразу никогда не брал. «Что ты, ей-богу, – возмущался он, – маленький я, что ли?»

Однажды Коля вдруг спросил у нее, почему она бывает грустная? Вопрос мальчика застал ее врасплох и, сама не зная зачем, просто в ней, очевидно, все время жила потребность поделиться с кем-нибудь своим горем, она под большим секретом рассказала Коле о Леше. Мальчик выслушал ее серьезно и тихо произнес: «Я это понимаю». С того момента Галя стала относиться к нему еще нежней и заботливей, точно он стал еще дороже после того, как она доверила ему свою сокровенную тайну.

Колю любили все. Даже суровый Будницкий. Он подарил ему отобранную у немца губную гармошку, которую перед этим целый час кипятил в котелке. Марков тоже привязался к Коле. Он, может быть, больше других сознавал свою ответственность за судьбу мальчика и не раз подумывал отправить его на Большую землю. Иногда Коля рисовал портреты бойцов Будницкого. Рисовал быстро и удивительно точно схватывал в лице человека самое характерное. Однажды Марков сказал ему, что хочет отправить его на Большую землю учиться рисованию. Мальчик, недослушав, заплакал, убежал из землянки, и потом целый час Будницкий искал

его по лесу. Больше Марков об этом с ним не заговаривал. А Галя стала главным союзником Коли в его стремлении стать полезным человеком на базе. Он уже вел запись радиogramм в регистрационную книгу. Галя обещала ему, что сделает из него настоящего радиста, и каждый день занималась с ним по азбуке Морзе, уже научила его различать позывные базы и Москвы, и он иногда становился ее «подвахтенным».

Все труднее было Гале осуществлять радиосвязь. Все чаще Марков сталкивался с промедлениями и в работе живой цепочки связных. Уже были случаи, когда какое-то промежуточное звено в цепочке вдруг выпадало. Не дальше как неделю назад оборвалась цепочка связи, шедшая к Савушкину. Восстановилась она только сегодня. Оказывается, связной от подпольщиков Никанор Решетов был заподозрен немцами в убийстве лесника-полицая и арестован гестапо. За отсутствием улик его выпустили спустя три дня, но пользоваться его услугами стало опасно. А пока подпольщики нашли ему замену, прошло несколько дней.

Марков обдумывал, как перестроить руководство группой. В конце концов он решил: надо перебираться в город, туда, где действуют его люди. Он запросил мнение Москвы.

«Мне очень трудно давать по этому вопросу советы, – радировал Старков. – Замедление связи считать катастрофическим пока нельзя. Сами тщательно взвесьте все конкретные в ваших условиях обстоятельства. Будницкого и его людей нужно брать с собой и для охраны вашего КП, и для осуществления в городе отвлекающих боевых операций. По вопросу перебазировки вам необходимо встретиться с товарищем Алексеем. Без его помощи осуществить это дело, по-моему, невысказано. Информировать меня о своих соображениях и действиях. Передайте Рудину, что его работа становится отличной. Потребуйте от него тем большей осторожности. Как выполняется Кравцовым срыв гестаповских планов в отношении молодежи? Переброску Добрынина в штаб власовцев одобряю: мы должны знать, что делается в этой опасной банде. Привет. Старков».

Еще раз все обдумав, Марков принял решение перебираться в город. Он не знал только, как поступить с Колей.

Думая об этом, Марков подошел к мальчику, который складывал свое немудреное имущество, взял лежавший сверху альбом рисунков и наугад открыл его: с белого листа на него смотрела Галя. Впрочем, не прямо на него, а чуть мимо. Коля имел строгое предупреждение – не рисовать членов оперативной группы. Его натурщиками могли быть только бойцы Будницкого. Коля нарушил приказ, и в первое мгновение Маркова возмутило именно это. Но затем он стал удивленно рассматривать портрет. Да, это была Галя. Рисунок был очень хорош, и все же такой свою радистку Марков не знал. На портрете в ее глазах была глубокая печаль, а не привычная Маркову неутомимая решимость бойца. Где это мальчик увидел такую Галю?

Марков подошел к закутку радистки и приоткрыл полог.

– Галя, вы видели это? – Он издали показал портрет.

– Нет, – тихо сказала она, глядя на свой портрет. – Боже мой, как же это он? Вы же запретили.

Марков внимательно смотрел на Галю и по тому, как она глядела на свой портрет, видел, что она действительно не знала о существовании рисунка, но что встревожена она не только тем, что Коля нарушил приказ.

– Отдайте мне, – тихо попросила она.

– Зачем?

– Так... Впрочем, как хотите. Мне рисунок не нравится... – Она надела на голову наушники и склонилась над рацией.

Марков решил, что говорить с Колей лучше без Гали, и с альбомом вышел из землянки. Приказав дежурному разыскать Колю, он сел на скамейку под елью.

Паренек точно чувствовал, что стряслась беда: приближался к Маркову испуганный, настороженный.

- Садись, – сказал ему Марков. – Итак, мы перебираемся в город.
- Я слышал, – тихо сказал Коля, садясь на край скамейки.
- От кого слышал? – строго спросил Марков.
- От Будницкого, – чуть запнувшись, ответил Коля.
- Ты, надеюсь, понимаешь, что значит действовать в занятом врагом городе?
- Понимаю.

– Тогда, значит, тебе там не место.

Коля знал, что Марков не решается брать его с собой в город, сердце его больно сжалось.

– Дядя Миша...

– Я тебе не дядя.

– Товарищ начальник... подполковник... – Коля с ужасом смотрел на Маркова.

– Людям, которые не выполняют приказы, в городе делать нечего. А ты нарушил мой приказ.

Тут только Коля увидел в руках Маркова свой альбом, лицо его мгновенно стало пунцовым.

– Ты понял, о чем я говорю?

– Понял.

– И что же ты мне скажешь?

Вместо ответа Коля кошачьим прыжком бросился на Маркова, выхватил у него свой альбом, отбежал на несколько шагов, достал из альбома портрет Гали и изорвал его в мелкие клочья. Потом он медленно вернулся к скамейке и вытянулся перед Марковым, как положено, руки по швам.

– Делайте со мной что хотите, товарищ подполковник. Я виноват, – произнес он, смело глядя в глаза Маркову.

Марков, сдержав улыбку, встал и, пройдя мимо мальчика, направился к землянке. «Вот и объявился у чертенка характер», – подумал он.

Вечером Коля, согласно своим обязанностям, как всегда, вскипятит чайник, нарезал хлеб, открыл консервы, поставил на стол три кружки и возле каждой положил по кусочку сахара. Но, когда Марков и Галя сели к столу, он остался в своем углу.

– Ты что это? – обратился к нему Марков. – Не желаешь сидеть с нами за одним столом?

Коля вскочил, вытянулся:

– Разрешите, товарищ подполковник, сесть ужинать?

– Садись.

Марков посматривал на Галю: нет, она была такой, какой он ее знал всегда.

После ужина Галя вышла из землянки на воздух. Поднялся вслед за ней и Коля.

– Сиди, – приказал ему Марков.

Мальчик сел и, смотря в глаза Маркову, ждал.

– Мало того, что ты нарушил мой приказ, ты еще и плохо нарисовал Галю, – насмешливо сказал Марков.

– Это был мой самый лучший рисунок, – ответил Коля.

– Лучший? – спросил Марков. – Где же это ты увидел такую Галю? На твоём портрете она только что не плачет.

– Вы же не знаете, товарищ подполковник.

– Что я не знаю?

– Не знаете, товарищ подполковник, – чуть тише упрямо повторил Коля.

– Галю я не знаю? Ну, брат...

– Вы же не знаете, товарищ подполковник, какая она одна, когда думает о своём. А я видел.

– Вон как!

– Ее же в Москве обманул один тип. Подло обманул! – вырвалось у Коли, и он мгновенно понял, что сказал лишнее.

– Откуда ты это знаешь?

– Она мне сама рассказала, – не сразу ответил Коля и, густо покраснев, добавил: – По секрету.

– Хорошо же ты держишь секреты, – усмехнулся Марков.

– Я и тут поступил плохо, товарищ подполковник.

– Ну вот что. Об этом нашем разговоре не должен знать никто. И в первую очередь Галя. Это тебе мой приказ. Понятно? – строго проговорил Марков.

– Понятно.

– А тот приказ, о рисовании, был непонятен?

Коля опустил голову.

– Товарищ подполковник... – тихо сказал он. – Она же мне как родная сестра. Я не смог сразу порвать.

– Ладно. Иди... Позови ко мне Будницкого...

– Есть позвать Будницкого! – Коля пулей вылетел из землянки.

Пришел Будницкий, и Марков долго обсуждал с ним план перехода в город. Когда все было обговорено, Марков вдруг спросил:

– Как быть с Колей? Берем его?

Будницкий долго молчал, потом сказал:

– С одной стороны, иметь такого паренька в городе – великое дело, особенно на связи. Выглядит совсем мальчиком, к нему не будет никаких подозрений. Ну а с другой стороны... Рисковать страшно, лучше бы переправить его в безопасное место.

– Ну и советчик же вы! – улыбнулся Марков. – С одной стороны – да, с другой стороны – нет.

– Люблю я его очень, – тихо сказал Будницкий и покраснел. – Смотрю на него, как на братишку своего меньшого, что в Чувашии остался...

– Ладно, решим, – сказал Марков. – Завтра я иду на встречу с товарищем Алексеем. Подготовьте группу сопровождения.

– Мне с вами идти?

– Хотя это сами решите! – рассмеялся Марков.

На этот раз встреча Маркова с товарищем Алексеем должна была произойти на лесной базе партизанского соединения, недавно созданного из четырех партизанских отрядов. Временно подпольный обком находился там.

Эта встреча совсем не была похожа на ту, первую. Во всем чувствовалась спокойная уверенность людей, обретших силу, прекрасно знающих обстановку и научившихся не только применяться к ней, но и распоряжаться ею. Подпольный обком имел своих верных людей не только в городах, но и по всей округе. Они были и на всем пути следования Маркова к месту встречи.

Особенно взволновало Маркова знакомство с одной женщиной. Она поджидала его группу возле моста через мелкую, петлявшую по лугам речушку. Партизан, сопровождавший их до этого места, сказал:

– Здесь я вас передаю Анне Сергеевне. В этих местах она главный человек. Вот женщина! На колени перед ней можно стать без всякого для себя унижения. Муж у нее был председатель колхоза. Расстреляли у нее на глазах еще прошлым летом. Был у них ребенок лет пяти или шести, играл на улице. Так пьяный немецкий водитель танкетки раздавил его. И это она тоже видела. Теперь стала тут нашей опорой. Мало того, организовала женщин трех окрестных деревень. Великая сила получилась. Немец здесь спокойно не дышит...

Анна Сергеевна сидела на поваленном дереве возле мостика. Увидев приближающихся людей, она неторопливо встала и вышла навстречу. Здраваясь с Марковым, сказала:

– Анна... Если хотите – Анна Сергеевна.

Потом она шла рядом с Марковым, и он исподволь любовался ее красивым русским лицом, обрамленным пшеничными волосами. Выражение ее лица было сурово и сосредоточенно. «Ее профиль просится на медаль, – думал Марков. – Ведь будет когда-нибудь отлита такая медаль: “Беззаветной советской женщине – героине своего народа”».

Разговаривая с ней, Марков волновался все больше, хотя она говорила очень просто и, казалось бы, об очень простых вещах.

– Много женщин помогает вам? – спросил Марков.

– Все, сколько их тут есть. Не мне они помогают, а Родине своей, – просто, без тени пафоса ответила Анна Сергеевна.

Помолчав, Марков спросил:

– Не боязно?

Анна Сергеевна посмотрела на него, словно хотела узнать, серьезно ли он это спрашивает или так просто, для разговора.

– Когда я своим бабам борьбу еще только на словах объясняла, одна сказала мне: «Легко тебе, – говорит, – тебе-то уже терять нечего, а у меня муж и двое детей». Словно она меня в грудь ножом ударила. Всю ночь я пролежала – глаза в потолок. Думала, так это или не так? Ведь если так, надо мне умолкнуть и других баб не мутить. Но к утру голова была ясная, как небо на восходе. Человек-то, решила я, не скотина, на свет является не для того, чтобы только прожить свой срок. Он рождается для счастья, и счастья этого хотят все. Только другие хотят его без настоящего понятия. Вот и та баба. Она же счастья хочет, когда старается уберечь мужа и детей. Но какое же у нее, дуры, будет счастье, если враг нашу Родину поразит насмерть? Пойдут они всей семьей в батраки к немецкому помещику. А, между прочим, как раз у ее матери в царское время помещик один глаз кнутом выхлестал. Так что за примером батрацкого счастья далеко ходить не надо. Вот так я ей все и разъяснила... А насчет того, боязно ли... – Она, сурово улыбнувшись Маркову, спросила: – А будто бы вам не боязно? Кабы не было боязно, небось пошли бы, куда идете, без наших проводников.

Марков рассмеялся.

– Верно, Анна Сергеевна.

Группа поднималась по зеленому кособоку, на вершине которого виднелась одинокая избушка без пристроек. Возле нее стоял и, закрыв от солнца глаза рукой, смотрел на идущих седобородый старик в длинной рубахе без пояса.

– Дозорный наш на посту, – глядя вперед, сказала Анна Сергеевна. – Наш дед Митрофан. Самый старый здесь. Зимой немцы узнали, что ему за сто лет, приехали снять его на кино и чтобы он на весь мир сказал спасибо Гитлеру. Народ согнали. А дед прикинулся глухонемым: мычит, и все. Они и так и сяк – ни в какую! А кругом народ стоит, все Митрофана знают, и знают, что он большой мастак болтать языком. Так ни один человек не выдал деда! Даже полицай был при этом из местных, тоже знал, что дед неглухонемой, а промолчал. На том кино и кончилось. А дед с тех пор говорит только с командиром партизанского отряда, да еще вот со мной недавно заговорил.

Возле деда Митрофана не останавливались, надо было торопиться. Только Анна Сергеевна задержалась около него на минуту, потом, нагнав группу, сказала Маркову:

– Дед что-то тревожится за деревню Комаровку, говорит, что там пыль была видна на дороге, так что мы на всякий случай пойдем левее.

На склоне дня Анна Сергеевна передала группу другому человеку.

– Это будет товарищ Огарков, – сказала она, – председатель действующего сельсовета.

Огарков оказался хмурым, неразговорчивым человеком лет сорока, а может быть, разговаривать ему мешала одышка. Шли довольно быстро: до темноты надо было выйти из лесу.

– Как же это вы сумели свой сельсовет сохранить? – спросил Марков.

Огарков ответил не сразу, прошел еще шагов пятьдесят. Потом, разрывая фразы одышкой, сказал:

– Перевыборов не было... Значит, должны работать... Вот и все...

В полночь Марков уже беседовал с товарищем Алексеем. Они сидели в просторной добротной землянке за большим столом, покрытым красной материей. Над ними висела яркая электрическая лампочка с домашним оранжевым матерчатым абажуром.

Все тут в лесу дышало уверенностью. И самый вид партизан, встретивших группу Маркова на лесной окраине. И беспрестанные оклики часовых, когда они шли по лесу. И задумчивый голос гармошки на базе, услышав который Марков в первую минуту не поверил своим ушам. И мерный стук движка, дающего свет. И мирно дымившая солдатская кухня, от которой веяло запахом подгорающей гречневой каши...

Они разговаривали с глазу на глаз. Марков рассказал о своем плане перехода в город.

– Без вашей помощи нам этого не сделать, – сказал он. – Да и совет нужен. А прежде всего я хотел бы знать ваше мнение: возможно ли это вообще?

– Сделать это можно, – ответил товарищ Алексей, но потом надолго замолчал, вороша рукой свои густые седые волосы. – Подготовить все надо не торопясь. Речь-то идет, как я понимаю, не об одном человеке.

– Что касается группы бойцов, которую я беру с собой, – продолжал Марков, – положение облегчается тем, что у одного из бойцов в городе живет сестра, она имеет домик на окраине. Брат к ней уже навещался, говорит, все в порядке. Там спокойно можно определить несколько человек.

– Мы должны проверить сами... – Записав адрес, товарищ Алексей спросил: – Какой срок вы себе назначили для перехода?

– В течение месяца, – ответил Марков, хотя до этого думал о более коротком сроке.

– Ну что ж, за месяц мы успеем, – соображая что-то, сказал товарищ Алексеев.

– А раньше не выйдет? – не вытерпел Марков.

– Действовать наобум и напролом мы могли, когда начиналась борьба. А теперь обязаны действовать только наверняка. Месяц, не меньше, и тогда мы отвечаем за все обеспечение вашего перехода в город.

Обсудив детали перехода, они продолжали разговор.

– Очень меня беспокоит гестаповская обработка городской молодежи, – сказал товарищ Алексей. – Мы благодарны вашим товарищам за передачу нам адресов боевых и надежных ребят. Они уже действуют по нашим указаниям. Но угроза создания из ребят карательного отряда не устранена. По нашим данным, почти сотня ребят попала в это дело.

– Кравцову приказано сделать все для срыва этой затеи гестапо, – сказал Марков.

– Выполнить такой приказ нелегко... – Товарищ Алексей помолчал и спросил: – Вы знаете, что вблизи города находится штаб и подсобные хозяйства генерала-предателя Власова?

– Знаю.

– Случайно, вашего человека там нет?

– Есть. Только недавно направлен.

– Он такой рыжеватый парень? – спросил товарищ Алексей.

– Да, – ответил Марков, понимая, что речь идет о Добрынине.

– Значит, верно. Я тоже послал туда своих людей. И они натолкнулись на вашего парня. Почему-то они сразу догадались, что он от вас. Это меня встревожило. Посоветуйте-ка ему вести себя потоньше.

– Хорошо. Спасибо, – рассеянно произнес Марков и спросил: – А может, отозвать его оттуда, чтобы он не мешал вашим?

– Не надо, – возразил товарищ Алексей. – Дело в том, что моим людям закрепиться там не удалось, а ваш вроде уже прирос. Пусть только потоньше действует. – Товарищ Алексей посмотрел на часы. – Ну а сегодня у нас большой праздник. Принимаем первый самолет с Большой земли. Идемте встретим.

Посадочная площадка была приготовлена на лугу, примыкающем к лесу. Из кромешной тьмы то и дело появлялись какие-то люди, которые, узнав товарища Алексея, здоровались с ним и исчезали.

– Привет товарищу Алексею! – перед ними возник, бородатый дядька громадного роста.

– А-а! Начальник аэродрома. – Товарищ Алексей протянул ему руку. – Здорово! Как дела?

– Порядок. Костры разложены, находятся в минутной готовности. Посты наблюдения на месте.

– Охрана выставлена?

– Мышь не пролезет.

– Мышь – ладно, а немец? – рассмеялся товарищ Алексей. – Раненые где?

– Вон там, в кусточках.

Секретарь обкома и Марков прошли к раненым. В темноте белели бинты повязок.

– Как настроение, товарищи?

– Плохое, – последовал ответ из-под куста. – Зачем нас отправляют? Ну, кто тяжелый – ладно. А мы-то через неделю-другую в операцию пошли бы.

– Приговор медицины окончательный и обжалованию не подлежит, – пошутил товарищ Алексей.

Никогда в жизни Марков не слушал гул самолетов с таким волнением, как в эту ночь. Ведь то был не просто самолет, а сама Большая земля, сама Москва, сама Россия. Самолет, резко снижаясь, пролетел дальше на запад. Тотчас взметнулось пламя костров. Сделав круг, самолет пошел на посадку. На концах его крыльев зажглись цветные звездочки. Они двигались среди звезд летнего неба и были все ниже и все ближе.

Прокатившись по лугу, самолет остановился. Со всех сторон к нему сбегались люди. Когда подошли товарищ Алексей и Марков, партизаны качали летчика. Его подбрасывали, негромко выкрикивая:

– Ура!

– Москва!

– Хватит! – умолял летчик.

Пока шла быстрая выгрузка самолета, с летчиком беседовали товарищ Алексей и Марков.

– Как там Москва? – опросил Марков.

– Нормально, – отвечал летчик, совсем молодой парень с торчащими вихрами.

– Сильно ее разрушили? – спросил секретарь обкома.

– Кто это вам сказал?

– Немцы трепались.

– Их только послушать! – рассмеялся летчик. – Я в Москве чуть не каждый день и только раз видел, где бомба упала. В здание «Известий», знаете, на площади Пушкина?

– И дома этого нет? – опросил Марков, вдруг живо представивший себе это серое прямоугольное здание.

– Почему «нет»? Только один угол пострадал.

– Через фронт летели благополучно?

– Нормально.

– Не обстреливали?

– Нормально.

– К нашему брату партизану часто летаете?

– Нормально, почти каждую ночь. Вас же повсюду развелось, – засмеялся опять летчик.

Все у него было нормально: и положение на фронте, и состояние торговли в Москве, и настроение в армии, и работа московских театров. И хотя спрашивавшим так хотелось услышать побольше всяких живых подробностей, все же это словечко «нормально» вмещало в себе что-то такое, что было самым главным и самым исчерпывающим ответом на все их вопросы.

Когда они прощались, Марков спросил:

– Когда будете в Москве?

– Через три часа сорок минут. В общем, нормально, – ответил летчик и, козырнув, побежал к самолету.

Вскоре моторный гул уже растаял на востоке.

– Нормально, – произнес товарищ Алексей, и они с Марковым громко рассмеялись.

Глава 8

Для Кравцова наступили решающие дни.

Гестаповцы, конечно, чувствовали, что их работа с молодежью начала, что называется, уходить в песок. На сборы приходило все меньше ребят. Последний сбор в клубе «желающих» ехать в Германию не состоялся: пришли только четыре человека, и они, увидев, что больше никого нет, мгновенно исчезли. Усилия подпольщиков и ребят, отобранных Кравцовым и Добрыниным, даром не пропали.

Клейнер приказал сделать проверочный обход по десяти адресам, чтобы выяснить, почему ребята не являются на сборы. По девяти адресам ребят вообще не оказалось: кто «поехал к дядьке на деревню», кто «отправился за картошкой в соседний район». Словом, кто что. И только один оказался дома, но «лежал в тифу».

Клейнер вызвал к себе гауптштурмфюрера Берга, отвечавшего за работу с молодежью, и Кравцова.

– Вы думаете, так все это и есть? Дядька, картошка, тиф? – спросил Клейнер холодно и небрежно, но Кравцов видел, что оберштурмбаннфюрер в ярости.

Майор Берг пожал плечами.

– Вполне возможно.

– А то, что у вас под носом работали коммунисты, – это возможно? – заорал Клейнер.

Берг молчал.

– Господин Коноплев, ваше мнение? – снова холодно и небрежно спросил Клейнер.

Кравцов встал.

– Ваше опасение, господин оберштурмбаннфюрер, мне кажется, не лишено основания.

– О, интересно! Почему вы так считаете?

– Потому что другого объяснения я просто не мог найти.

– Логично. Весьма логично, – лицо Клейнера кривилось в усмешке. – Я поздравляю вас, господа. Коммунисты благодарны вам за вашу бездарность и слепоту. Придется серьезно разобратся в вашей деятельности. Прошу каждого из вас написать обстоятельный рапорт о своей работе. Предупреждаю: ненаказанным это безобразие не останется. Вы, Берг, можете идти, а господину Коноплеву – остаться...

– Как я на вас надеялся, как надеялся!.. – сказал со скорбным лицом Клейнер, когда они с Кравцовым остались вдвоем. – Кто-кто, но вы должны были сразу почувствовать руку коммунистов. Вы-то знаете их методы и уловки. Это подозрительно, господин Коноплев, говорю это вам прямо.

– Господин оберштурмбаннфюрер, – осторожно возразил Кравцов, – я же думал, что за год здесь и запаха коммунистов не осталось.

– Не будет! – Клейнер ударил кулаком по столу. – Этого запаха вскоре не будет! Я вам это гарантирую! Но пока это... с молодежью – их работа! Их!

– Я думал другое, – спокойно сказал Кравцов. – В самом начале мы погнались за количеством. Это было ошибкой. Ведь достаточно было в наш контингент попасть двум десяткам парней, распропагандированных коммунистами, а может, и теперь с ними связанных, и все дело насмарку.

– Ладно. Мы этих красных щенят выловим во время облавы. Они еще поплачут у меня! – Клейнер нервно закурил. – Как с созданием карательного отряда? Надеюсь, здесь все в порядке?

– Я привык отвечать за порученное мне дело, – спокойно ответил Кравцов.

– Смотрите, Коноплев! Вы сами за это дело взялись. Помните об этом.

– Я помню, господин оберштурмбаннфюрер. Пользуясь случаем, я хотел бы получить вашу санкцию на мой план проведения первого сбора отряда. Я хочу пригласить на этот сбор штурмбаннфюрера Грюнвейса. Ведь отряд пойдет в его распоряжение. Так пусть же ребята сразу познакомятся со своим начальником.

– Когда сбор?

– Послезавтра в клубе. В двенадцать ноль-ноль.

– Хорошо. Я прикажу Грюнвейсу быть на сборе. Что еще?

– Пожалуй, все. Сбор открою я, а затем бразды правления передам Грюнвейсу.

– Хорошо. Но отвечаете за все вы!

Кравцов наклонил голову.

– Можно идти?..

Кравцов шел на явочную встречу с Бабакиным. Стемнело раньше времени. С запада на город надвинулись охватившие половину неба черные грозовые тучи. Влажный воздух вздрагивал от пока еще далеких перекатов грома. Всплески молний были все ярче и чаще. Кравцов с беспокойством поглядывал на небо. Как назло, эту встречу они условились провести за городом, возле реки. Гроза словно шла за Кравцовым по пятам, и, когда он приблизился к реке, через все небо полоснула белая молния и небо лопнуло с оглушительным треском. В это время Кравцов увидел Бабакина. Он шел навстречу по берегу реки.

– Здорово! Выбрали мы с тобой погоду, – весело сказал Бабакин. – Надо куда-то прятаться. Давай-ка вон под то дерево...

Они побежали к дереву, и в это время на них обрушился такой плотный ливень, что они почувствовали его тяжесть на своих плечах.

– Будь неладна такая работа! – смеялся Бабакин. – Нет на свете такой девушки, к которой бы я пошел на свидание в такую погоду.

– Хватит тебе острить, – угрюмо сказал Кравцов. – Дело серьезное. Сообщи Маркову, что все решится послезавтра днем. Либо отряд будет создан и мне придется нести ответственность перед партией за невыполнение задания. Либо отряда не будет, но тогда неизвестно, что сделает со мной Клейнер. Больше я уверен во втором варианте. Так и сообщи.

– Ясно. Что еще?

– Клейнер сегодня рвал и метал по поводу развала работы с молодежью и заявил, что за создание карательного отряда отвечаю я.

– Зачем ты взялся за это дело? – спросил Бабакин.

– Другого выхода не было. Выпустить это дело из своих рук было нельзя. Нельзя! И я сделаю все, что смогу. А потом посмотрим.

– Может, тебе сразу же уйти?

– Об этом не может быть и речи. Моя задача – не только уцелеть, но и остаться в гестапо.

– Да... – вздохнул Бабакин. – Тебе не позавидуешь.

Еще минут десять они стояли под деревом, прислушиваясь к шуму дождя, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами о погоде.

– Судя по одной фразе Клейнера, – сказал Кравцов, – гестапо готовит облаву на городских коммунистов. Сообщи об этом.

– Ясно.

Дождь стал затихать. Кравцов поднял воротник плаща.

– Я пошел. Будь здоров!

Они даже не обменялись рукопожатием...

В полдень около сотни ребят собрались в клубе. Сидели тихо, настороженно наблюдая за Кравцовым, который, сидя за столом президиума, советовался о чем-то с незнакомым ребятами офицером. Это и был штурмбаннфюрер Грюнвейс, непосредственно заинтересованный в создании карательного отряда. Весь вид майора, которому сами гестаповцы дали прозвище

Свинец, должен был подействовать на ребят, что тоже брал в расчет Кравцов. Это был верзила более чем двухметрового роста, его громадные руки и даже пальцы были покрыты черными густыми волосами. Волосы росли у него из ушей и из ноздрей. У него была привычка выдергивать волосы из носа, и тогда он морщился, глаза его становились влажными, но эта боль, очевидно, доставляла ему удовольствие, иначе у него не было бы этой привычки. У него был прямоугольный, массивный, как кусок кирпича, подбородок и глаза – глубокие, немигающие, свинцового цвета. В эти страшные глаза в последние минуты своей жизни смотрели тысячи людей, чей жизненный путь обрывался в застенках гестапо города. Лучшей кандидатуры для того, чтобы вызвать страх у ребят еще до того, как они узнают, для чего создан их отряд, Кравцов подобрать не мог.

– Встать! Смирно! – крикнул Кравцов голосом оголтелого строевика. – Старшим по группам провести поименную перекличку!

Кравцов нарочно приказал произвести перекличку, чтобы в самом начале дополнительно взвинтить нервы ребят, и сейчас он видел, как все они, тревожно переглядываясь, старались угадать, что их ждет.

После переклички выяснилось, что не явились всего семь человек. На большее Кравцов и не рассчитывал. В этом отряде подобрались ребята, которых, пользуясь довоенной терминологией, следовало назвать неорганизованными, почти «пришлыми», попавшими в этот город уже во время войны и не имевшими здесь ни дома, ни старых друзей, ни каких-нибудь привязанностей. Очевидно, по этой общности судьбы они и тянулись друг к другу. Немало среди них было и отпетой шпаны.

Кравцов встал и начал речь в каком-то повышенном тоне:

– В вашей судьбе наступил решающий момент! Сегодня вы выходите на совершенно новую дорогу своей жизни! – Кравцов сделал паузу, а затем, копируя ораторский прием Гитлера, вдруг истошно закричал: – Вы должны знать, что историю делают не слюнтяи и трусы! История делается подлинными героями – людьми германской армии и гестапо! – И, снова перейдя на ровный напряженный тон, Кравцов, оглядывая притихших ребят, продолжал: – Начальник местного гестапо оберштурмбаннфюрер Клейнер вам верит, и именно поэтому сегодня у вас такой исторический день... – Кравцов видел глаза ребят – они буквально кричали, эти встревоженные глаза: «При чем тут гестапо?» Кравцов снова перешел на крик: – Вы согласились ловить воров, но главные враги Германии Гитлера – не воры, а коммунисты и все их пособники.

Кравцов видел, что ребята в смятении, все они смотрели на сцену, боясь взглянуть друг на друга. Потом они начали перешептываться, и в зале возник шум. Кравцов закричал еще громче:

– Вы будете вылавливать врагов Германии и будете уничтожать их своими руками! Гестаповская тюрьма ежедневно ставит их к стенке. Вы получите право именем фюрера расстреливать их! А вам за это – награда и слава!..

Кравцов сделал длинную паузу. Он видел, что первая цель достигнута – ребята не на шутку перепуганы. Откуда бы они ни попали в этот город, все равно ребята они советские, и то, что они сейчас узнали, не могло не вызвать у них страха, а то и ужаса.

– Так вот, сейчас каждый из вас должен решить, – продолжал Кравцов, – трус он или храбрый солдат Германии. Из храбрецов сейчас же, вот здесь, будет создана специальная зондеркоманда при гестапо, и она поступит в распоряжение штурмбаннфюрера Грюнвейса... – Кравцов уважительно показал на сидевшего рядом гестаповца. – Работать с ним – большая честь. Не было еще случая, чтобы коммунисты и прочие враги Германии живыми вырывались из его рук. Впрочем, он сам скажет сейчас вам несколько слов.

Грюнвейс лениво поднялся и, обведя ребят немигающим взглядом, сказал:

– По-моему, все достаточно ясно из речи господина Коноплева. Он сказал хорошо, я бы так не сумел. Я специалист не речи говорить, а вышибать дух из всякой красной сволочи. – Он говорил довольно хорошо по-русски, ровным и даже приятным бархатистым голосом. – Для меня нет большего наслаждения, как взять на мушку какой-нибудь красный затылок, нажать гашетку и устроить фонтан из мозгов. – Он улыбнулся. – Очень приятно слушать, как воют эти красные собаки, когда мы вышибаем у них показания, или видеть, как они корчатся, когда одной пули им не хватало и когда ты им ставишь последнюю свинцовую точку. А коммунисты, между прочим, нахapaли добра. Так знайте, все это ваше! У меня есть орлы, которые на этом сколотили состояние, дома себе в Германии покупают. – Он опять улыбнулся, и тут же улыбку точно сдуло с его лица. – Конечно, есть чистоплюи и всякие ублюдки, которые от нас воротят свои бледные рожи: грязная, мол, работа, руки, мол, в крови. Плюньте и разотрите сапогом, вот так. – Он харкнул себе под ноги, растер плевков подошвой и выбросил вперед свои волосатые руки. – Смотрите! Руки чистые! Кровь коммунистов отмывается начисто даже без мыла. Не бойтесь, я научу вас, как аккуратно дырять затылки и мыть руки. И знайте, у фюрера мы – первые герои. Победа – это мертвый враг, и мы эту победу делаем каждый день. Работы всем вам хватит.

Грюнвейс сел и сказал Кравцову, чтобы он начинал запись желающих вступить в зондеркоманду. Еще раньше Кравцов убедил Клейнера в необходимости добровольного вступления ребят в команду, чтобы сильнее было их чувство ответственности за сделанный шаг.

Кравцов видел, что ребята буквально в панике. Они тихо переговаривались. У многих лица стали белые, как бумага, глаза расширены.

Кравцов постучал карандашом по столу.

– Внимание! Кто согласен вступить в зондеркоманду, встать!

Ребята замерли. Никто не вставал. Прошла, может быть, целая минута, никто не вставал.

– Ну? – Грюнвейс, глядя в зал, ударил кулаком по столу.

И тогда встал парень, сидевший в первом ряду. Кравцов знал, что он профессиональный уголовник, вор, а теперь заводила среди этой ватаги ребят. Это был не кто иной, как тот самый Анатолий, который состоял при немецком инженере Хормане, пока его не выжил оттуда Савушкин. После попытки ограбить Хормана он просидел две недели в тюрьме, но затем был выпущен и болтался в городе.

– У меня вопрос, – быстро сказал он, явно боясь, что его вставание будет понято неправильно. – А кто в эту команду не пойдет, что тому будет?

– Отправим работать в Германию, – громко произнес Кравцов.

– Тогда все это надо обдумать с толком, – рассудительно сказал Анатолий и облизнул губы. – Дело-то действительно вон какое важное. Мы просим дать нам срок до утра; надо подумать, чтобы от всей души решить.

– Правильно!

– Надо подумать!

– Шутка ли! – закричали ребята.

Кравцов посмотрел на Грюнвейса. Тот пожал плечами и буркнул:

– Черт с ними, пусть подумают.

– Хорошо, – сказал Кравцов. – Даем вам срок до утра. Завтра в восемь ноль-ноль всем явиться сюда. И пусть никто не подумает улизнуть! Об этом придется пожалеть. Вы свободны. Разойтись!

Ребята, толкаясь, ринулись к двери, и зал быстро опустел.

– Ну что вы скажете? – обратился Кравцов к Грюнвейсу.

Грюнвейс, не удостоив его ответом, встал и вышел из зала.

Кравцов нарочно задержался минут на десять. Когда он вышел, на крыльце его остановил Анатолий; вдвали, прячась за колоннами церковной ограды, толпились остальные ребята.

– Есть разговор, – с угрозой в голосе сказал Анатолий и оттеснил Кравцова в нишу, где была касса. – Ты что же это, шкура, затеял с нами, а? Трепался, трепался, а теперь суешь на мокрое дело?

– Я сам об этом не знал, – тихо ответил Кравцов.

– Бреешь, шкура! – сверкая белками, прошипел Анатолий. – Думаешь сунуть нас под пятьдесят восьмую, а сам скрыться с награбленным золотом? Думаешь, шкура, мы ничего про тебя не знаем? Завтра ты увидишь, сколько дураков сюда придет. Об остальных забудь! А если на кого капнешь или под монастырь подведешь, кровью своей умоешься. Понял?

Из-за угла клуба вышли два солдата, несшие на палке полевой термос. Увидев их, Анатолий сделал еле приметное движение, и в руках у него сверкнула финка.

– Только пикни – дух вон, – тихо произнес он. – Сам погибну, но и тебя, шкура, порешу. Солдаты перешли через улицу и скрылись за углом перекрестка.

– Знай, ты у меня на зарубке, – сказал Анатолий, сунул финку за пазуху и медленно, вразвалочку пошел к церкви.

Кравцов смотрел ему вслед и от всего сердца желал ему повести за собой как можно больше ребят...

На другой день утром в клуб явились двое, и те, судя по всему, пришли только потому, что не решились бежать, как это сделали остальные. А может, умно рассчитали, что из двух человек зондеркоманды не создашь.

– Убирайтесь к чертовой матери! – крикнул им Кравцов, когда стало ясно, что больше никто не придет. И пошел докладывать Клейнеру о случившемся.

В кабинет начальника гестапо Кравцов вошел вместе с Грюнвейсом, которого он упротолкнул идти, чтобы подтвердить, что сделано было все и он, Кравцов, не виноват, что эти парни оказались подлыми трусами.

Узнав о бегстве и этих ребят, Клейнер рассвирепел. И неизвестно, как бы все сложилось для Кравцова, если бы он предусмотрительно не захватил с собой Грюнвейса.

– Вы выставили меня на посмеище! – кричал багровый Клейнер. – Я об этом деле телеграфировал в Берлин. Получил одобрение от начальника управления. А теперь что мне прикажете делать?

– Мне кажется, что я никакой ошибки не совершил, – твердо сказал Кравцов, смотря на Грюнвейса.

– Он говорил с ними как надо, – подтвердил Грюнвейс. – Но, очевидно, перед этим русским дерьмом распинаться было вообще бессмысленно.

– Не желаю ничего этого знать! – кричал Клейнер. – Провалено мое важное задание, и я потребую за него ответственности.

Грюнвейс поднял на Клейнера свои свинцовые немигающие глаза.

– Господин оберштурмбаннфюрер! Я вам давно говорил, что эта ваша затея провалится; помнится, я сказал вам тогда, что из дерьма пули отлить невозможно.

– Но господин Коноплев заверил меня, что все будет в порядке, – несколько сбавив тон, сказал Клейнер и с возмущением посмотрел на Кравцова. – Надеюсь, вы помните?

– Я честно выполнял ваш приказ, господин полковник, – тихо произнес Кравцов. – Позволю себе сказать только одно: нельзя было так торопиться. Вы сами не дали нам времени на основательную обработку контингента.

– Я разберусь, кто и в чем здесь виноват... – проворчал Клейнер и, помолчав, обратился к Грюнвейсу: – Всю эту дрянь переловить, подвергнуть такому режиму, чтобы у них сопли потекли, и затем отправить в Германию. – Клейнер повернулся к Кравцову. – Сегодня же представьте мне в письменном виде подробнейшую записку обо всей этой истории. Вы свободны...

Глава 9

Рудин с большой тревогой наблюдал за Андросовым. То он думал о самоубийстве, а теперь весь как натянутая струна: работает днем и ночью, похудел, глаза лихорадочно блестят. Сообщил, что задумал какое-то большое дело, но что это за дело, пока не говорит. Сказал: «В случае неудачи отвечать за это буду один я». Рудин никогда не любил людей настроения, особенно в своей работе, которая требует, чтобы ум всегда был свободен от всякого постороннего влияния.

Что затеял Андросов? Рудин решил еще раз серьезно поговорить с ним.

В конце длинного рабочего дня, когда резкие звонки на всех этажах требовали, чтобы все сотрудники «Сатурна» покинули главное здание, Рудин зашел к Андросову и пригласил его прогуляться.

– Гулять так гулять, – усмехнулся Андросов. Они вышли на берег реки и сели на скамейку у песчаного откоса. Рудин давно облюбовал это местечко, удобное для разговора, не предназначенного для третьей пары ушей. Вокруг – голый берег, впереди – река.

– От усталости, наверное, снится черт знает что, – сказал Рудин. – Вчера видел...

Андросов положил руку на колено Рудина.

– Не надо. Я расскажу вам о своем плане. Недавно я узнал, что Мюллер втайне от Зомбаха готовит список с адресами всей нашей агентуры для передачи ее, по-видимому, главному командованию СД.

– Как вы это узнали? – недоверчиво спросил Рудин.

– Помните, две недели назад к нам приезжали из Берлина оберштурмбаннфюрер СД и заместитель Канариса Лахузен? Официально их миссия означала улучшение контакта между «Сатурном» и СД. Но я случайно услышал разговор Лахузена с Зомбахом. Собственно, я услышал только несколько фраз Лахузена. Он сказал: «Они хотят прибрать к рукам нашу агентуру. Судя по всему, Мюллер тайком готовит им списки. Пусть он это делает, не мешайте ему. А в Берлине адмирал Канарис примет необходимые меры...» Так вот, Мюллер действительно готовит списки, я это установил совершенно точно. Уже вторую ночь личная стенографистка Мюллера перепечатывает списки... Дальше. Из разговора с адъютантом Мюллера капитаном Ноэлем я узнал, что он совершенно неожиданно получил подарок от Мюллера – десятидневный отпуск – и готовится к поездке в Берлин, а потом к семье, в Дрезден. Он попросил меня подыскать ему какой-нибудь хороший и типично русский подарок для его жены. Я пообещал ему это сделать и спросил, когда он едет. Он ответил так: точно не знаю, шеф должен закончить какую-то срочную работу, я повезу ее в Берлин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.